

Наталья Соболевская

Когда

ДЬЯВОЛ
ЛЮБИТ

Наталья Соболевская
Когда дьявол любит

«Автор»

2026

Соболевская Н.

Когда дьявол любит / Н. Соболевская — «Автор», 2026

Деловой партнёр мужа возненавидел меня с первого взгляда. В его глазах я расчётливая аферистка, которая ради корысти вышла замуж за мужчину намного старше себя. Но поистине тёмную сторону этого дьявола я узнала, когда мой муж внезапно скончался при сомнительных обстоятельствах. В одночасье он стал моим обвинителем, судьёй и палачом...

© Соболевская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	57
Глава 13	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наталья Соболевская

Когда дьявол любит

Глава 1

Юбилей мужа в самом разгаре, ресторан шумит и ломится от гостей. А я, с натянутой улыбкой и чувством неловкости, стою в гордом одиночестве и жду, когда вернётся Сергей. Солидный мужчина поздравил его и увёл в более тихое место для «важного разговора на пару минут», но прошло уже полчаса, а их до сих пор нет.

Я не обижаюсь. Вернее, изо всех сил стараюсь не обижаться. Понимаю, решение деловых вопросов затягивает и время летит незаметно, но только это не спасает от чувства потерянности и ненужности в толпе незнакомых людей.

Мы женаты уже девять месяцев, однако я так и не вписалась в его круг общения. Причин тому масса: мы оба домоседы, редко где-то бываем, и я изначально не принадлежала его миру. Я – без роду и племени, приехала невесть откуда, а он – успешный бизнесмен из уважаемой семьи, с отцом-дипломатом и матерью – профессором экономики. И последнее, но не по значимости — мне двадцать четыре года, а Сергею пятьдесят пять.

Из-за социального неравенства и этой чёртовой разницы в возрасте многие относятся ко мне предвзято, а некоторые сразу навесили ярлык охотницы за деньгами. Однажды я слышала, как высказался приятель мужа: «Сергей сваял огромного дурака, женившись на ней. Из девицы подобного сорта вышла бы завидная любовница, но никак не жена. Намучается он ещё с ней».

В один момент кожа на спине словно воспламенилась, мне не надо даже оборачиваться, чтобы точно сказать, кто смотрит на меня с такой неприязнью, что я ощущаю его взгляд буквально физически.

Тем не менее я обернулась и убедилась, что интуиция меня не подвела. В зал вошёл деловой партнёр мужа и мой личный стalker – Владислав Дёмин. Влад, как всегда, явился в сопровождении шикарной красотки и одним своим появлением произвёл фурор. Поздороваться с ним хлынул целый поток из людей, чуть ли не половина гостей, словно на юбилей прибыл сам президент.

Нет, в какой-то степени Дёмин заслужил подобного внимания к своей персоне. Он богат, успешен, красив, самоуверен и достаточно молод – ему тридцать пять или тридцать шесть, точно не помню. Холостяк, меняет подруг каждый день, и одна красивее и знаменитей другой.

Кроме того, он презирает почти всех вокруг, кроме избранной горстки людей. И так получилось, что мой Сергей – один из немногих, кто удостоился его расположения и уважения. Поэтому, когда Дёмин два месяца назад вернулся из продолжительной командировки и узнал, что дорогой ему человек неосмотрительно женился на аферистке, он счёл своим долгом в кратчайший срок расстроить этот брак любым способом.

Пока что Дёмин не добился успеха, только каждый раз, когда видимся, треплет мне нервы.

И даже сейчас, когда к нему с обожанием льнёт без преувеличения богиня в белоснежном платье и он пожимает руки сильным мира сего, его тёмный, подавляющий взгляд устремлён исключительно на меня.

Готова поспорить, когда вереница из желающих поздороваться с Владом иссякнет, он первым делом подойдёт ко мне, чтобы сказать очередную обидную гадость. Лишу его этой возможности. Затеряюсь среди людей и подожду мужа в каком-нибудь тёмном углу, где меня трудно заметить.

Вообще-то, я не из тех, кто не в состоянии за себя постоять. Дёмин из каждой нашей перепалки тоже выходит «потрёпанным», но всё же придерживаюсь мнения: если есть возможность обойти бешеную собаку стороной и остаться не укушенной — этим грех не воспользоваться.

Стянув со стола с закусками сырный рулет и прихватив с собой бокал лимонной минеральной воды, нашла самое укромное место за раскидистым то ли кустом, то ли деревом возле окна во всю стену. У меня даже есть оправдание, почему торчу именно здесь — любуюсь красотой ночного города с высоты птичьего полёта. А вид действительно завораживающий, среди бесчисленных огней, как по лабиринту, текут нескончаемые светящиеся красно-белые реки...

— Полина, будь осторожнее, — прозвучал вкрадчивый мужской голос прямо возле моего уха, в тот момент, когда я поднесла бокал к губам, чтобы сделать глоток. — С твоей наследственностью не стоит злоупотреблять напитками.

Чёрт бы побрал этого Дёмина и вид из окна, засмотрелась, потеряла бдительность и поволила к себе незаметно подкрасться.

Как и собиралась, всё-таки отпила из бокала и лишь после спросила:

— Ты сейчас о чём? Выражайся конкретнее.

— Куда уж конкретнее?! — усмехнулся мужчина и опять, между прочим, мне в ухо. Даже показалось, что его губы коснулись мочки. — Об этом, — он постучал по бокалу.

Я пила минералку, поэтому не сразу сообразила, причём здесь моя наследственность и напитки. Но теперь всё предельно понятно. Влад решил, что я пью что-то покрепче, чем воду, и поспешил уколоть меня по поводу генов.

— М-м, кто-то выполнил домашнее задание и навёл справки о моей семье, — усмехнулась я. — И как давно ты это сделал? Хотя, нет, не отвечай. Уверена, сразу после нашего знакомства. Бедненький, — обернулась к Дёмину и состроила жалобную мордашку. — Два месяца знать, что моя мать алкоголичка и ждать подходящего повода, натывать меня в этот факт носом. Ты хоть кайфанул? Ожидания оправдались?

— Вполне, — самодовольно протянул он.

— Врёшь, — заявила я с улыбкой. — Ты не получил от меня желаемой реакции. Ведь все мои комплексы по поводу пьющей матери остались позади в детстве. Тогда, да, я сильно переживала и стыдилась, а теперь нет. Потому что я — это не моя мама. Я за её образ жизни не отвечаю. И то, что она алкоголичка, никак не характеризует меня лично.

Я верила в каждое произнесённое мной слово. Дети не отвечают за родителей, как и наоборот. Но я кривила душой, когда утверждала, что алкоголизм матери меня уже не смущает. Смущает и ещё как. Только Дёмин не может этого знать, за долгие годы с запойным родителем я вытерпела тонны стыда и научилась его скрывать поистине мастерски. Так что сейчас Влад может считать с моего лица лишь полное безразличие.

— А ты оказалась более достойным соперником, чем я сначала решил, — выплюнул Дёмин, и мне показалось, что в его голосе, кроме ненависти и презрения, мелькнула крохотная искра уважения. — Меня сбила с толку твоя несерьёзная внешность. Думал, я быстро избавлю Сергея от тупоголовой блондинки. Но ты далеко не глупа, а все эти кудряшки, реснички и наивные глазки, лишь ширма, за которой скрывается расчётливая, продуманная стерва.

— Боже мой, Влад, — весело воскликнула я. — Столько комплиментов и одной мне?! Оставь хоть немного на следующий раз, мне столько домой не унести, а здесь оставлять жалко. А теперь извини, мне с тобой до безумия интересно и хорошо, но меня, наверняка, уже потерял муж.

Я попыталась обойти Дёмина, но он шагнул в ту же сторону, преграждая мне путь, а чтобы точно не ушла, поймал за руку.

— Как бы осторожно ты себя ни вела, как бы бережно ни относились к деньгам, как бы преданно ни смотрела мужу в глаза, рано или поздно твоя сучья сущность проявится, ты оступишься, и тогда я покажу Сергею, какая ты настоящая. Это всего лишь вопрос времени.

Как жаль, что Влад держит меня именно за ту руку, в которой бокал, иначе я бы плеснула ему в холеную наглуую физиономию минералкой, пусть бы освежился. Но ничего, сырный рулет я ещё не съела, засунуть его ему в рот, конечно, не так эффектно, как плеснуть из бокала, но лучше, чем ничего.

— Угощайся, — я насильно вставила в зубы мужчины закуску. — Пусть хоть минуту твой рот будет занят чем-то хорошим, а то из него постоянно фонтаном хлещет яд.

Уверена, настолько возмущённого и растерянного Дёмина никто и никогда раньше не видел. Он так обалдел от моей выходки, что я легко выдрала из его лапы руку и бесппроблемно ушла.

Когда я отошла от места преступления на несколько метров, моя рассудительная и осторожная часть осуждающе проворчала: «Зря ты так с Дёминым. Он этого не забудет и отомстит». После чего другая моя сторона, решительная и смелая, ответила: «И что теперь, молчать в тряпочку и вообще ему не возражать, всё покорно сглатывать? Он тогда вконец оборзееет. Ничего страшного, переживёт. Тем более, ничего криминального или особо унижительного я с ним не сделала. Подумаешь, рулет засунула в рот. Никто этого даже не видел».

Внимательно осмотрела зал ресторана и увидела оглядывающегося по сторонам мужа, он тоже заметил меня и быстрым шагом приблизился.

— Я тебя обыскался. Прости. Этот Роман Сергеевич, голова говорящая, никак не отпустил. Не сильно скучала?

Я чуть было не ответила: «Да ты что, какой скучала, это же праздник!», но в последний момент передумала. Если скажу Сергею, как есть, что мне без него здесь невыносимо, я его этим ну никак не обижу.

— По возможности больше не уходи, — попросила я, прижавшись к мужу. — Я почти никого не знаю, особо со мной не общаются, а навязываться я не люблю. Ждала тебя в одиночестве. Ну почти.

Сергей обнял меня в ответ и виноватым голосом произнёс:

— Всё, больше никаких дел. Ни на шаг от тебя не отойду. Обещаю.

Сергей нежно поцеловал меня в висок, в щёку, уткнулся носом в волосы и втянул запах.

— Я всё думаю, за что Бог меня тобой наградил? Я никому жизнь не спас, ничью искалеченную судьбу не исправил, а у меня есть такое счастье, как ты.

Я рассмеялась.

— Вообще-то, это он не тебя мной, а меня тобой наградил. И у меня даже есть теория, почему.

— Да ну? — Сергей немного отстранился и с любопытством на меня посмотрел.

— Когда я родилась, он случайно отсыпал мне слишком много горя в детстве, а потом, чтобы как-то компенсировать, дал мне самого лучшего, доброго, замечательного, чуткого... в общем, самого-самого мужчину на свете. Вот как всё было.

Сергей улыбнулся, но с налётом печали.

— Жаль только, что он не подарил мне пару десятков лет молодости. Ты такая юная и красивая, а я... старик.

Я закатила глаза и вздохнула. Это не первый наш разговор о разнице в возрасте и наверняка не последний. Надеюсь, однажды я смогу убедить Сергея, что мне всё равно, сколько ему лет. И хоть он статный и красивый мужчина, я люблю его исключительно за душу, за тепло, за то, что рядом с ним я сплю спокойно, не вздрагивая от каждого шороха, за то, что он дарит мне ощущение безопасности, за то, что он заботится обо мне, за то, что с ним я впервые почувствовала себя счастливой, а всё остальное мне абсолютно не важно.

— Серёжа, посмотри на себя! Ну какой же ты старый? Тут каждая дама заглядывается на тебя и слюнки пускает, а я, между прочим, ревную.

— Сейчас, возможно, я ещё не старик, но что будет через пять лет или десять? Ты только начнёшь расцветать, а я... Может, мне повезёт, и я долго не проживу. Меньше всего я хочу, чтобы ты оставалась рядом из жалости.

Меня будто без предупреждения окунули в бочку со льдом. От одной мысли, что Сергея когда-нибудь не станет, на меня тяжким грузом накатил приступ паники. Я до боли в пальцах вцепилась в мужа, будто смерть уже явилась за ним, и моя задача его ей не отдать.

— Если любишь меня, никогда так больше не говори, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком, а к глазам – горькие непрощенные слёзы. — Я без тебя жизни не представляю...

— Ну всё, всё, — заметив, как меня затрясло, Сергей ещё раз поцеловал и теснее прижал к себе. — Несу всякую чушь. Но меня можно понять. Старость не радость.

— Опять?! — возмутилась я.

— Молчу. Это была шутка. Кстати, Марк приехал, ты его видела?

— Нет, — покачала я головой. — Но хотела бы. Найдём его?

Марк – племянник Сергея, а так как у мужа своих детей нет, он относится к нему как к сыну. И заслуженно, между прочим. Марк – лёгкий, весёлый, компанейский, без предрассудков. В отличие от остальных, он сразу принял меня как родную. Мы почти ровесники, он всего на три года старше меня, и с первой встречи мы с ним стали большими друзьями. Не знаю, чем я ему приглянулась, но я его люблю за то, что он практически точная копия Сергея, только более молодая и бесшабашная.

— А зачем искать? Вон же он. Марк! — позвал племянника Сергей, махнув рукой.

Проследив за взглядом мужа, тоже заметила парня. Он вполне ожидаемо уже вовсю флиртовал с симпатичной брюнеткой.

Первое, что бросалось в глаза при виде Марка – его неизменная искренняя улыбка и очаровательные ямочки на щеках. Он тоже помахал нам, поцеловал девушке руку и что-то прошептал на ухо. Не удивлюсь, если пообещал любить вечно. Затем направился к нам.

Пока Марк шёл, девушка печально смотрела ему вслед, наверняка сожалея, что их знакомство прервали. Но это к лучшему. Если Марк не успел влюбить её в себя, ей повезло – меньше будет страдать. Марк настолько же обаятельный, насколько ветреный. Через полчаса он благополучно забудет о прекрасной брюнетке, а через день может и не узнать. А если они случайно встретятся, не исключено, что начнёт знакомиться с ней по новому кругу.

Глава 2

Марк сперва пожал руку Сергею, а затем с ещё более широкой улыбкой распахнул свои гостеприимные объятия для меня.

— А ты, мамуля, всё хорошеешь и хорошеешь, — парень сжал меня так крепко, что у меня глаза полезли на лоб и косточки захрустели.

— Марк, может, ты не будешь называть Полину «мамулей» хотя бы здесь, — обратился Сергей к племяннику с долей упрёка. — Дома, в семейном кругу, это одно, но на людях...

— А что в этом такого? — ничуть не смутившись, весело отозвался Марк. — Полина не возражает, ей даже нравится. Я уточнял. Ты тоже вроде никогда не был против. А что до мнения остальных, не всё ли равно?! Верно, мамуля? — парень озорно мне подмигнул.

— Да, сынок — кивнула со смехом я.

Марк с деланной озадаченностью огляделся по сторонам и, обхватив ладонью горло, будто оно страшно саднит, спросил:

— А выпивка сегодня вообще будет или придётся прорываться на трезвую голову? Я уже минут пятнадцать пытаюсь поймать официанта, а они как будто чувствуют это и прячутся.

— Стол с напитками в пяти метрах от нас, пойди и возьми, — ответил Сергей, и когда Марк пошёл, добавил. — И захвати нам с Полиной по бокалу сока или воды.

Марк вернулся через несколько минут с тремя бокалами и изумлённым лицом.

— Дядя Серёжа, стесняюсь спросить, но что здесь делает твоя бывшая вторая жена? Только что её видел. И, судя по всему, она забыла, что вы развелись, ведёт себя как хозяйка бала. У Марго в одной руке мундштук, в другой бокал, вероятно, не первый, потому что глаза уже в тучу. Вся такая деятельная и деловая, благодарит гостей за то, что пришли, принимает поздравления с юбиларом.

— Марго здесь по приглашению, — ответила я за мужа. — Мы с Сергеем решили, что будет неправильно, её не позвать. Она была частью этой семьи и ею останется. Мы с ней худобно, но ладим. Нам делить нечего, Сергей с Марго развелись за несколько лет, как мы с ним познакомились.

На самом деле мы с бывшей женой Сергея не ладим, а скорее терпим друг друга. Тем не менее у нас ещё ни разу дело не доходило до откровенной ссоры. Наше общение довольно своеобразное и больше напоминает общение свекрови и невестки, чем двух жён, бывшей и настоящей.

Марго при любом удобном случае, вроде бы негрубо, но критикует меня. Поскольку, по её мнению, я недостаточно хорошо забочусь о её Серёже. Если у её мальчика криво повязан галстук — это я недосмотрела. Если он съел что-то жирное, то я слушаю лекцию о правильном питании для людей с большим сердцем.

А когда Марго выяснила, что я не слежу за тем, как он принимает лекарства, она натурально позеленела от злости. И на следующий день привезла мне специальный журнал, в котором я должна была ежедневно записывать, какие и когда Сергей принимает таблетки. Правда, этот журнал до сих пор девственно чист — мой муж взрослый и ответственный человек, его не нужно контролировать, как маленького ребёнка.

— Да вы, оказывается, прогрессивные люди, — хмыкнул Марк. — Одобряю такой подход. Вот бы и мои девчонки так же спокойно переносили друг друга, а не устраивали бы вот это всё, под названием кошачья драка.

— Серёжа, кто купил тебе эти туфли? Они совершенно не подходят к костюму, — позади раздался низкий и глубокий голос «свекрови». Помяни чёрта..., ой хорошую женщину, и она тут как тут рисуется.

— Ты, Марго. Ты мне их подарила, — с лёгкой усталостью ответил Сергей, обернувшись к бывшей жене. — Как и костюм.

Маргарита, взмахнув своей роскошной рыжей шевелюрой, внимательно осмотрела Сергея и засияла.

— Оно и видно, что я подарила. Выглядишь превосходно, и с размером я, как всегда, угадала. Ну, давай поздравлю тебя. Подумать только, тебе уже пятьдесят пять, как быстро летит время.

Марго обняла Сергея и поцеловала в обе щёки, но деликатно, без касания. Зато, когда она полезла обниматься и целоваться ко мне, прижималась к моим щекам накрашенными в несколько слоёв губами с такой силой, словно ставила печать на документе.

— Серёжа, я отлучусь на секунду, — сразу же прошептала я мужу. — Прогуляюсь до туалета, надо стереть со щёк отметки Марго. Кстати, а где здесь находится дамская комната?

Следуя указаниям мужа, я двигалась в направлении выхода из главного зала, а когда проходила особо тёмный, почти неосвещённый участок, от стены плавно отделилась тень и заговорила голосом Дёмина:

— Я смотрю, у тебя нездоровый интерес к племяннику мужа. Ты уже спишь с Марком или только планируешь?

— Да чтоб тебя, — вскрикнула и вздрогнула я от неожиданности. — Зачем так пугать?!

Дёмин остался невозмутим, и как ни в чём не бывало продолжил прожигать меня своим тёмным презрительным взглядом. С другой стороны, а чего я ждала, раскаяния и извинений?

— Какой же бред ты несёшь, — скривилась я, отойдя от испуга и осознав абсурдность его обвинений. — Даже отвечать не собираюсь. Потому что это... да мерзость это, которая могла родиться лишь в твоей больной голове, — выплюнула я и поспешила уйти.

Не в моей власти запретить Владу приписывать мне самые гнусные грехи, но в моих силах его хотя бы не слушать. Далеко уйти не получилось. Дёмин, вконец обнаглев, схватил меня за локоть и рывком вернул обратно.

— Ещё раз дотронешься, и я пожалуюсь Сергею. Твоя пустая болтовня – это одно, а распускать руки – совсем другое, — прошипела я и попыталась вырваться, но Дёмин лишь сильнее сжал пальцы. Боюсь, если продолжу, этот отмороженный сломает мне руку.

— Слушай внимательно и запоминай, — процедил мужчина и огляделся, проверил, гад такой, никто ли на нас со стороны не глазеет. — Хочешь скакать по чужим койкам – скачи. Мне даже на руку, избавиться от тебя будет проще. Но на Марка не смей даже дышать. Он для Сергея как сын. Вобьёшь между ними клин — живьём с тебя шкуру сдеру.

— Это уже за гранью добра и зла, — вымученно выдохнула я. — Давай так: если хоть одна твоя безумная фантазия, приписываемая мне, станет реальностью, делай со мной, что душе угодно. Сдирай шкуру, убивай, закапывай заживо... Но до этого, ради всего святого, отстань от меня. Хватит караулить меня на каждом углу, хватать за руки, дёргать, обвинять в том, чего нет и в помине. Ты же пришёл сюда с девушкой, вот и иди к ней. Не следи за мной и не ходи как привязанный. Или, по-твоему, я прямо здесь, посреди зала, заберусь с любовником под стол и изменю Сергею?

Дёмин резко отпустил мою руку и на шаг отступил. Я уже, грешным делом, подумала, что наконец-то до него достучалась, наивная... Влад просто заметил, что к нам подходит Сергей.

На этот раз Дёмин превзошёл сам себя, пересёк все мыслимые и немыслимые границы. Я терпела, не жаловалась, чтобы не портить отношения мужа с партнёром, но всему есть предел. Прямо сейчас, когда мы втроём и рядом нет посторонних, расскажу Сергею, что Влад мне говорил и в чём обвинял.

Удивляюсь Дёмину. Он расслаблен и уверен в себе, видимо, даже мысли не допускает, что у меня хватит духу пожаловаться. А у меня хватит. Только надо морально настроиться к непростому разоблачительному разговору.

Но чем ближе подходит Сергей, тем меньше меня волнует это самое разоблачение. Муж как-то странно сутулится, идёт медленно, что на него совсем не похоже, да и выглядит бледным, или это на него просто так неудачно падает свет?

— Ты в порядке? — уточнил Влад у Сергея.

Значит, не померещилось, Дёмин тоже заметил, что с Сергеем что-то не так.

— Нормально, — отмахнулся муж, но после всё же признался. — В груди немного давит. Но это ерунда. Возраст.

— Скорую вызвать? — с тревогой спросил Влад, уже заранее доставая из кармана пиджака телефон.

До чего же непривычно звучит его голос, когда он не рывкает, а искренне сопереживает, будто говорит совсем другой человек.

— Да нет! — Сергей покачал головой. — Говорю же, пустяк. Видно, старая болячка даёт о себе знать. Ничего, у меня такое бывает.

— Принести воды? — предложила я, осторожно коснувшись плеча мужа. — Или, может, приляжешь? Я видела в холле диван, он в углу и отгорожен стенкой, тебя никто не увидит.

— Если честно, полежать я бы очень хотел, но только не здесь, — смущённо признался Сергей. — Полина, ты не против, если мы поедem домой прямо сейчас?

— Без вопросов, конечно, поехали, — поспешила я согласиться и тут вспомнила, что собиралась настучать мужу о выходках Дёмина.

Что ж, сегодня, видимо, не судьба. Придётся отложить.

У меня совести не хватит устроить разборку сейчас, когда Сергей настолько себя плохо чувствует, что готов уйти с собственного юбилея раньше всех и практически по-английски.

Пока мы с Сергеем одевались, и потом, когда спускались с крыльца и подходили к машине, всё это время я чувствовала на себе тяжёлый, недобрый взгляд.

Это Дёмин. Прилип к какому-нибудь окну и таранился. Будто у него дел нет поважнее. Знать бы ещё, почему он на меня взелся? Я ведь не давала ему ни малейшего повода. Неужели, он ненавидит меня и считает аферисткой только потому, что я намного моложе Сергея? Молодость — тоже мне, грех.

Сергею вроде бы полегчало, он даже пытался шутить, но когда у машины муж протянул ключи и предложил мне сесть за руль, я вновь забеспокоилась с удвоенной силой. Ни разу начиная с нашего знакомства и по сей день, если мы куда-то ездили вместе, водителем я не была.

В прошлом муж увлекался автогонками, он умеет и обожает водить. Более того, моя машина просто малютка по сравнению с его «монстром». Я никогда не управляла таким громоздким автомобилем, а сейчас уже темно, движение оживлённое, да и дорога мне не знакома. Чтобы Сергей пошёл на такой риск, должна быть причина, и веская. Значит, он чувствует себя гораздо хуже, чем старается показать.

Я взяла ключи и заняла водительское сиденье, но сразу же заявила:

— Тебе плохо. И даже не спорь. Выбирай: либо мы едем прямо сейчас в больницу, либо дома вызываем скорую. И рассматриваются только эти два варианта, третьего нет.

Сергей отвернулся к окну и тяжело вздохнул.

— Ты права, мне нехорошо, и на это есть причина, — муж снова посмотрел на меня и признался. — Я немного выпил, совсем чуть-чуть, — он показал пальцами расстояние в два-три сантиметра.

— Серёжа?! — возмущённо воскликнула я. — Тебе же нельзя!

— Знаю, — не стал спорить он. — Но Марк предложил, и я не смог отказаться. Раскаиваюсь, — поспешил заверить Сергей, поняв, насколько я зла.

— Марк, значит, предложил, — я ударила ладонью по рулю. — Убью паршивца.

— Полина, не надо. Не трогай парня. Он не виноват. Я сам согласился. Меня и ругай.

— Я не могу тебя ругать, — пожаловалась я. — Потому что я тебя люблю, мне тебя жалко.
— Тогда поехали домой, и если ты не хочешь меня добивать окончательно, не угрожь мне машину, ладно?

— Подумаю, может, это станет твоим наказанием, — усмехнулась я, но тут же серьёзно добавила. — Но если почувствуешь себя хуже, сразу говори.

— Обещаю.

— Смотри, не сдержишь слово, заставлю тебя поехать в санаторий на три недели, как давно советовал врач.

— Полина, мне показалось, или вы с Владом о чём-то спорили? — спросил Сергей спустя несколько минут, когда я более-менее приновилась к его машине.

— Тебе не показалось, — ответила я, как есть. Одно дело не говорить, а другое — скрывать.

— И что вас никак мир не возьмёт? Я заметил, что вы друг друга недолюбливаете.

— Из нас двоих недолюбливает только Дёмин, мне на него наплевать, — резче, чем хотела, отозвалась я.

— И в чём причина, ты знаешь?

— Он уверен, что я вышла за тебя замуж исключительно из-за денег и что обязательно начну тебе изменять, — после продолжительной паузы всё-таки ответила я.

— Вот же глупость какая, — рассмеялся муж.

Реакция Сергея мне не понравилась. Смех — это последнее, что я ждала от него. Но тут я, наверное, сама виновата. Говорила слишком мягко, расплывчато, преподнесла ситуацию как некую безобидную шалость со стороны Дёмина.

— Серёжа, он говорил мне всё это не в шутку, а на полном серьёзе и грубо, — внесла ясность я. Хотела ещё сказать, что он хватал меня за руки, а в любовники записал Марка, но язык не повернулся.

— Вот оно, значит, как, — выплюнул со злостью Сергей и выпрямился. — Я с ним поговорю. Завтра же. Он прекратит эти свои разговоры.

Мельком, чтобы надолго не отвлекаться от дороги, взглянула на мужа и тут же почувствовала себя виноватой. Сергей взволнован, раздражён и, судя по виду, уже мысленно трясёт Дёмина за грудки, а завтра, скорее всего, воплотит эту фантазию в жизнь. А Дёмин — не просто какой-то приятель или знакомый, он его деловой партнёр, их офисы находятся по соседству, на одном этаже.

Может, надо было и дальше молчать? Не так уж часто мы с Владом пересекаемся. К тому же со временем он мог изменить своё мнение обо мне и успокоиться.

— Серёжа, мне кажется, ты слишком близко к сердцу воспринял мои слова. Влад был неправ и невежлив со мной, но не настолько всё плохо, — дала я задний ход. — Ты с ним поговори, но только чтобы между вами ссоры не вышло.

— Тут обещать ничего не могу. Если бы я с ним сейчас разговаривал, одной ссорой бы не ограничился. А ведь в самом начале, до того, как заметил между вами нездоровое напряжение, я думал, что Влад заинтересовался тобой, даже ревновать к нему начал.

— Ну ты даёшь! — от изумления я непроизвольно дёрнула руль, но, услышав гневный сигнал другого водителя, вовремя выправила машину. — И что тебя натолкнуло на такую... прости, но нелепость?

— Да много чего, — заметил Сергей, и судя по его слегка обиженному тону, он свои подозрения не считает нелепыми, ни тогда, ни теперь. — Когда я вас познакомил, он с тебя глаз не сводил. Я потом специально наблюдал, на протяжении всего ужина, он не смотрел на тебя от силы минуту. Знаешь почему? Потому что я к нему подошёл и собой закрыл обзор на тебя. С того времени Влад часто спрашивал о тебе, а когда я сам упоминал, всегда поддерживал

разговор. А ведь Дёмин не выносит разговоры о личном. Даже на отдыхе мы обсуждаем только дела, в крайнем случае, ещё политику или спорт.

— Ну такие себе доказательства, — усомнилась я и привела свои аргументы. — Он на меня не смотрел, а тарашился. Я сразу ему не понравилась, потому что, по его мнению, не ровня тебе. Может, хотел смутить или показать своё отношение – кто знает... А то, что он не против обо мне поговорить, так, наверное, надеется услышать какой-нибудь компромат.

— Духота, — расстегнув верхнюю пуговицу пальто, Сергей убавил мощность обогрева салона до минимума. — У Дёмина в последнее время вкус на женщин резко изменился. Он всегда любил разнообразие. Каких у него только не было... И рыженькие, и брюнетки, кудрявые и с короткой стрижкой, худенькие и с формами... А теперь одни блондинки пошли, на тебя, между прочим, похожие. Видела, с кем он сегодня пришёл? Глядя на девушку, не было ощущения, будто смотришь в зеркало?

— Если честно, мне уже надоело обсуждать Дёмина, но намёк ясен. И на этот раз я даже с тобой соглашусь. Да, он выбирает девушек, похожих на меня, чтобы представлять меня на их месте и срывать злость. Жалко девчонок... Натерпелись, бедняжки. Но если серьёзно, то две или даже три блондинки подряд – это ещё не показатель. Вполне возможно, что после них начнётся период... ну, не знаю, шатенок.

— То есть, по-твоему, у Влада к тебе нет и не было чувств?

— Почему нет? Есть и были. Отрицательные.

Глава 3

Сергей уже принял душ и забрался в постель, я же только собираюсь пойти в ванную. Мы всегда моемся именно в этом порядке, потому что ему, чтобы освежиться, нужно десять минут, а мне, разумеется, значительно больше.

Сергей, удобно подложив под спину подушки, открыл книгу. Прочитать страницу другую — его ежедневный ритуал перед сном. Мне очень нравится наблюдать за ним в этот момент, потому что он надевает очки, а они ему безумно идут, ещё у него лицо становится спокойным, умиротворённым.

— Захочешь спать, не жди меня, — присела на кровать рядом с мужем и нежно прижалась губами к его губам на тот случай, если он и правда уснёт и поцеловать его на ночь уже не получится. — Но я постараюсь быстро.

— Ты всегда так говоришь, — улыбнулся Сергей, ласково поглаживая мою спину. — И каждый раз я жду тебя по часу, а то и по полтора. Ты мне потом, когда-нибудь шепнёшь на ухо по секрету, что всё-таки там так долго делаешь? — муж игриво и заговорщицки подмигнул.

— На этот раз я сдержу слово, — пообещала я со смехом, прежде чем встать.

Зайдя в ванную, я включила приложение с таймером, поставила время на двадцать минут и положила телефон на полку, чтобы видеть экран. Сегодня Серёже не придётся меня долго ждать, я лягу к нему в постель, пусть с бальзамом на волосах и вся в пене, но вовремя.

Эксперимент с таймером удался. Я закончила через двадцать минут, секунда в секунду. Значит, статья в интернете не обманула: «Если отслеживать время и ограничивать себя в нём, то не потратишь его впустую».

Какого же было моё разочарование, когда я вышла из ванной намного раньше обычного и увидела, что Сергей впервые уснул, не дождавшись меня.

Подкравшись на цыпочках, я осторожно сняла с него очки, потом забрала из рук книгу и погасила свет в лампе на тумбочке. Так же тихо и осторожно забралась в постель под одеяло, хотя в глубине души и надеялась, что Сергей проснётся.

Ничего поделаться с собой не могу, обожаю засыпать в его объятиях. Правда, через несколько минут становится жарко, и я отползаю, но прежде мне необходимо почувствовать тепло его рук, близость, и то ощущение защиты и безопасности, которое он дарит.

Теперь у меня нет проблем с засыпанием, они испарились сами по себе после замужества без всяких лекарств и походов к психологу. Но сегодня сон отказывался приходить, причина наверняка в том, что я не получила свою привычную дозу нежности.

Прокручивая в голове яркие события дня, другими словами, вспоминая наглуемую физиономию Дёмина, я вдруг поняла, что Сергей спит на спине и не храпит. А он всегда, пусть тихо, но посапывает на спине. Мне даже приходится переворачивать его набок. Не потому, что он мешает, а чтобы ему самому было лучше.

Леденящий душу ужас сковал меня по рукам и ногам. Я не то что обернуться и проверить мужа, я даже моргнуть не могла. По вискам будто изнутри кто-то стучит, в ушах электрический гул, а сердце даже не бьётся, оно от испуга дрожит... Никогда прежде я не испытывала настолько сильного страха. Даже когда ночью в мою комнату ввалилась компания маминых пьяных дружков, и то меньше боялась.

— Серёжа... — не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я смогла позвать мужа, но после этого оцепенение отпустило.

Упираясь коленями в матрац, пристально всматривалась в лицо мужа, кажется, будто бы всё в порядке, он не выглядит бледным, просто мирно спящий человек. С другой стороны, как можно оценить цвет лица в темноте?

Склонилась ниже и прислушиваюсь, есть ли дыхание? Вроде бы есть. Для уверенности положила ладонь ему на грудь. Да, пусть едва уловимо, но поднимается и опускается.

Шумно выдохнула, почувствовав облегчение. Зажатые мышцы разом расслабились, из-за чего теперь ощущаю во всём теле слабость и дрожь.

Ну и дурында же я, устроила себе паническую атаку на ровном месте. От страха меня даже бросило в жар, вся взмокла, грудь со спиной влажные, рубашка липнет к коже, и холодно.

По-хорошему надо бы прогуляться до ванной, ополоснуть лицо, а может и сменить рубашку, но вместо этого я, рискуя разбудить мужа, прилегла к нему под бок и, закинув руку на грудь, обняла.

— Ку-ку, я у тебя, — шепнула я, поцеловала его в щёку, и тут все мои волнения вновь подняли голову.

Щека Сергея была неестественно холодной. Возможно, мне это показалось из-за моей разгорячённой кожи, но я тут на кровати устроила целую возню, а он ни разу не пошевелился, не потянулся, вообще никак не отреагировал.

— Серёжа, — позвала я и несколько раз толкнула его в бок.

Реакции ноль.

— Серёжа, проснись, — потребовала я голосом в полную силу, но, не получив ответа, резко села, быстро включила лампу и принялась его трясти. — Серёжа!

Что я только не делала: трясла за плечи, громко кричала и даже щипала. Ничего не помогало. Сергей не просыпался.

«Скорую! Нужно немедленно вызвать скорую!»

Чтобы взять телефон, прыгнула с кровати, но суетилась и ударила ногу, не обращая внимание на боль, трясущимися руками набрала номер.

Заявку у меня приняли, но оператор, услышав, что мы живём в коттеджном посёлке за чертой города, сразу предупредила: они постараются приехать как можно скорее, но время ожидания может быть увеличено. И, судя по её тону, существенно.

Поговорив с женщиной, которой, в силу профессии и характера работы, было не то что плевать, но всё равно на моего мужа, я поняла, надо брать ситуацию в свои руки, и позвонила Марку.

Кратко ему всё рассказав, попросила организовать более быстрый приезд скорой помощи, возможно, нанять частную бригаду, если такие вообще существуют, и договориться, чтобы мужа доставили в хорошую клинику и его взял опытный, проверенный врач.

— Полин, я для дяди готов разбиться в лепёшку, но у меня вообще нет ни одного знакомого в сфере здравоохранения. Даже не представляю, к кому можно было бы обратиться.

От горечи и отчаяния чуть не завывала. Ведь я так рассчитывала на Марка. Он сверх меры общительный, у него толпы знакомых, и он в отличие от меня с рождения принадлежит верхушке общества, где все обеспеченные, влиятельные и со связями.

— Марк, а у тебя есть телефон Дёмина? — спросила я.

Вот кто точно сможет помочь. Влад — это не легкомысленный Марк, я уверена, у этого собранного и хладнокровного человека есть связи абсолютно везде.

— Да, но... — неуверенно ответил Марк.

— Скинь мне его, — потребовала я.

— Полина, я не знаю...

— Марк, немедленно скинь мне чёртов номер, — уже рывкнула я.

Понимаю, раздавать чужие номера не принято, но сейчас не тот случай, чтобы даже задумываться о таких пустяках.

— Ладно-ладно, сейчас, — пообещал Марк, отключился, и ровно через секунду мне пришло от него сообщение.

Уже дозваниваясь до Дёмина и слушая длинные гудки, я подумала, что, возможно, стоило сначала попросить Марка позвонить Владу, вдруг он не отвечает на незнакомые номера.

— Да, — всё же ответил Дёмин немного зашпанным голосом.

— Влад, это Полина, — представилась я, но, решив, что с его любовью к женскому полу он может знать сотню Полин, добавила. — Сабитова. Жена Сергея.

— Что случилось? — на этот раз вопрос прозвучал бодро.

Я снова в подробностях описала ситуацию Дёмину и попросила о том же, о чём просила Марка.

— Я всё сделаю и тебе позвоню, — торопливо пообещал он и скинул вызов.

Слова Влада прозвучали как самая прекрасная музыка, а его готовность помочь и уверенность в успехе вселили надежду, которая сейчас была мне нужна больше, чем возможность дышать.

Уже через несколько минут Дёмин перезвонил.

— Полина, бригада медиков скоро будет. Твоя задача — позвонить на пост охраны посёлка и обеспечить им беспрепятственный въезд. Потребуй от охранников не ждать, когда подъедет машина, пусть открывают сейчас. Если ты хотя бы заподозришь, что они поступят по-своему, скидывай их номер мне. Далее, открой ваши ворота и входную дверь. Медиков ничто не должно задерживать. На вопросы врачей отвечай чётко, без эмоций, сама вопросы им не задавай – не отвлекай.

— Да, конечно, всё сделаю, — кивала я, хоть Дёмин и не мог этого видеть.

— Полина, — обратился он ко мне, но на этот раз не сухим деловым тоном, а тихим человеческим голосом. — Ты проверяла, он ещё дышит?

— Да.

— Хорошо. — Я не услышала, но почувствовала, как он с облегчением выдохнул. — Если что, сразу звони.

Не знаю, как Дёмину это удалось, но медики действительно приехали очень быстро, провели в доме совсем немного времени и увезли Сергея, всё ещё без сознания, в больницу.

Конечно, я поехала следом за скорой. Как добралась до больницы и не расхлесталась, не знаю. Всю дорогу плакала, и из-за слёз почти ничего не видела. Возле больницы нас уже ждал Дёмин, и судя по количеству медицинского персонала, который нас с ним встречал, он успел поднять на ноги всю больницу.

Сергея увезли на каталке, я рвалась следом, но дальше распашных дверей меня не пустили. Зато одна из медсестёр накинула Дёмину на плечи халат, и он через эти двери прошёл беспрепятственно.

Помещение, где только что было так многолюдно и шумно, вдруг опустело. Теперь слышался лишь электрический треск потолочных светильников и редкие хлопки дверей где-то в глубине здания.

Я не знала, что делать и у кого спросить о состоянии мужа. Мой опыт посещения медицинских учреждений ограничивался плановыми визитами в поликлинику.

Присела на стул в самом углу и решила, ждать здесь. Рано или поздно кто-нибудь из персонала появится и подскажет, как быть.

— Нечего тут сидеть! — воскликнула женщина, открыв и высунувшись из окна в стене. — Здесь и без вас негде развернуться.

— А куда мне идти? — подскочив на ноги, спросила я. — Моего мужа привезли к вам минут десять назад, мне надо знать, что с ним.

Женщина раздражённо закатила глаза и, прежде чем захлопнуть окно, быстро ответила:

— Выйдите на улицу, обойдите здание с правой стороны, найдёте вход с вывеской «отделение №5». Там и ждите, с лавками, с кофейными автоматами, с туалетом.

На первом этаже отделения № 5 действительно было просторнее и даже находились немногочисленные сонные посетители, но медицинского персонала опять не наблюдалось. Подёргав каждую дверь и убедившись, что они заперты, не стала стучать: прошло слишком мало времени, чтобы требовать новостей.

Не успела присесть, как с улицы буквально ввалился запыхавшийся и встревоженный Марк, а заметив меня, слишком громко для подобного места, спросил на весь холл.

— Ну как он? Что говорят врачи?

Я лишь беспомощно развела руками, и мы решили подождать ещё хотя бы двадцать минут, а потом позвонить Дёмину, если он не появится раньше.

— А она здесь откуда? — тихо прошипела я, увидев, как в холл вошла бывшая жена Сергея и нетвёрдой походкой двинулась к нам, спотыкаясь об длинное вечернее платье, выглядывающее из-под шубки.

Да, я возмущена, но не потому, что Марго приехала, они с Сергеем не чужие друг другу, у неё есть полное право беспокоиться за него и здесь находиться, но она ведь упитая в хлам. Ей бы сначала проспать, выпить кофе, привести себя в порядок, а потом приезжать.

— Она здесь из-за меня, — признался Марк. — Мне стало стыдно, ты просила договориться о скорой и больнице, а я не помог. Вспомнил, что Марго врач, и позвонил ей. Правда, она тоже не знала, к кому обратиться, сколько лет уже не работает, но зато вон... приехала.

— Марк, помоги ей дойти, а то завалится. И будет у больницы ещё один пациент, — потребовала я, чуть ли не выталкивая парня со стула.

Я бы и сама помогла, мне несложно, но неизвестно, как Марго отреагирует, она дама непредсказуемая, с характером, вдобавок сейчас в неадекватном состоянии, а Марка она любит и всегда ему рада.

— Спасибо, дорогой, — пропела Марго, когда Марк усадил её на лавочку напротив, а сам вернулся на прежнее место рядом со мной. — У Сергея давно сердце шалило. Я знала, что когда-нибудь наступит момент, когда я вот так буду сидеть и ждать новостей, пока он борется за жизнь... — Марго окинула холл мутным взглядом, достала из сумочки фляжку и отхлебнула.

— Понимаю, вы переживаете, но вам не стоит больше пить. Плохо же будет, — как можно мягче посоветовала я, но женщина лишь махнула рукой.

— Да брось ты. Мне плохо никогда не бывает. А вот тебя жаль. Сергей позаботился и обо мне, и о Марке. Ему..., — Марго с улыбкой кивнула на племянника, — по завещанию достанется большая часть наследства, мне — остатки. А ты, Полина, если Сергей не выкарабкается, станешь бедной вдовой очень богатого человека. Ладно хоть салон у тебя есть, худо-бедно прокормит. Что-то, но успела урвать.

Урвать?!

От заслуженной трёпки Марго спас Дёмин, вовремя появился, и моё внимание тут же переключилось на него. К сожалению, ничего нового он не сказал. Всё это время он договаривался насчёт отдельной палаты и сиделок, а о состоянии Сергея знал не больше нашего.

Теперь мы ждали новостей вчетвером. Дёмин даже при таких обстоятельствах не отказывал себе в удовольствии и почти беспрестанно прожигал меня взглядом. Единственное, его присутствие сдерживало Марго от новых высказываний. При нём она благоразумно помалкивала и в сторонке от всех прикладывалась к фляжке.

— Доктор, подождите, пожалуйста! — заметив, как из одной из дверей вышел мужчина в белом халате, я подбежала к нему. — Вы можете что-нибудь сказать о пациенте Сабитове Сергее Александровиче? Его привезли на скорой два часа назад, и мы до сих пор ничего не знаем.

— Сабитов? — задумался врач. — А, да, Сабитов. Вы родственница? Внучка?

— Даже не дочка, — зло бросил Дёмин, а Марго и вовсе прыснула смехом.

— Я жена, — уверенно произнесла я, не обращая внимания на неуместные реакции за спиной.

Доктор строго посмотрел мне за плечо, потом сочувственно на меня, и в этот момент я поняла: ничего хорошего он не скажет.

— К сожалению, ваш муж скончался несколько минут назад.

Глава 4

Слова врача оглушили и свалились на меня неподъёмной каменной глыбой. Душу обожгло огненной лавой, от нестерпимой боли я согнулась и, кажется, закричала, после начала стремительно податься и меня затянуло в тёмный непроглядный туннель...

Очнулась от тошнотворного запаха медикаментов, а когда приоткрыла веки, глаза не слепил яркий свет больничного холла, я лежала на чём-то жёстком в тёмной крохотной комнатке. Рука безвольно свисала, и кто-то водил чем-то мокрым по локтевому сгибу. Затем руку согнули, и незнакомый мужской голос произнёс:

— Седативное стабилизирует состояние, но это временная мера. В таких случаях лучшее лекарство — это поддержка близких. Сейчас ей нужно домой, выговориться и хотя бы немного поспать.

Мужчина в халате поднялся, а его стул рядом со мной занял кто-то другой. Не врач, одежда тёмная.

— Ты как? — спросил Марк.

— Сдохнуть хочу, — ответила я, как есть.

— Сейчас так только кажется, но будет легче. Обещаю. Время лечит, даже такое горе.

— Я не хочу лечения. Я хочу проснуться. Хочу, чтобы Серёжа был жив, — застонала я, сворачиваясь в комок и подвывая. — Марк, ты его видел? Вдруг, врачи ошиблись? Может, умер кто-то другой? Серёжа не мог умереть. Не мог!

— Тшш, — Марк успокаивающе гладил меня по спине и тоже плакал. — Полина, я бы всё отдал, чтобы врачи ошиблись, но это не так. Сергея больше нет. И нам придётся как-то теперь жить без него.

От бессилия я дёргала ногами, колотила кулаками по кушетке, то умоляя бога вернуть мужа, то проклиная всех и вся. Потом, видимо, подействовало лекарство, и хоть оно даже на крошечную долю не заглушило боль, внешне я успокоилась, просто сидела и, глядя в одну точку, качалась из стороны в сторону.

— Полина, ты же приехала на машине, а я как раз на такси, давай сяду за руль и отвезу тебя домой? — предложил Марк.

Пожала плечами. Пусть делает что хочет, мне всё равно.

— Тебе нельзя за руль, — громыхнул голос Дёмина, и его высокая фигура выплыла из темноты коридора. — Я видел, сколько ты выпил вечером, как минимум до обеда ты не водитель. Я сам Полину отвезу.

— И что? Ночь же. Дороги пустые, — возразил Марк, поднявшись на ноги. — Если повезёшь ты, придётся бросить здесь либо твою тачку, либо Полины.

— Разберусь как-нибудь уж с машинами, — заявил Влад и небрежно бросил своё пальто на кушетку. — Одевайся.

Мне было плевать: кто, куда и на чём меня повезёт. Лишь бы там, где окажусь, никого не было. Не могу никого выносить. Мой мир рухнул, Серёжи нет и ничего больше нет, а они живут дальше, спорят, кто сколько выпил, бросать или не бросать машину... Да гори оно всё синим пламенем...

Я попыталась одеться, хоть и не понимала зачем. Я видела свои руки, но будто со стороны, они мне не принадлежали. Они брали пальто, потом отпускали, и так по кругу.

В конце концов, пальто на меня надел Марк, он же вывел из процедурной и повёл к выходу. Я спотыкалась, тёрлась плечом о стену и каждые два метра норовила растелиться на полу.

— Кажется, слишком большую дозу успокоительного вкололи, — проворчал Марк, в очередной раз удерживая меня от падения.

— С такой скоростью мы к выходу до утра не дойдём, — позади рявкнул Дёмин.

В следующую секунду я потеряла даже ту зыбкую опору под ногами, какую имела, и взлетела вверх.

— Поставь, — простонала я, сообразив, что Влад подхватил меня на руки и понёс.

— Даже не сомневайся, поставлю, как только донесу до машины, — прорычал в ответ Дёмин и, подбросив меня вверх, перехватил поудобнее.

Как ни странно, но в руках Влада я почувствовала некое облегчение. Через несколько шагов я невольно обняла шею мужчины и положила голову на его грудь.

Доктор знал, о чём говорит, утверждая, что в горе нет лучшего лекарства, чем человеческое тепло. Пусть даже это тепло исходит от ненавистного человека, и дарит он его, сам того не осознавая, всё равно помогает.

Дёмин сгрузил меня с рук на сиденье, конечно же, своего автомобиля. И если совсем недавно мне было безразлично, чью машину здесь оставят, то сейчас нет. В ближайшие дни вплоть до похорон я обязана взять себя в руки. Серёжа был самым лучшим человеком на свете, и мой долг — достойно его проводить, а для этого мне понадобятся колёса.

— Подожди, — Дёмин только хотел захлопнуть дверцу, как Марк, придержав её, не позволил. — Давай я возьму ключи от тачки Полины и всё-таки поеду за вами. Ты её отвезёшь и бросишь одну. А я могу остаться с ней на всю ночь, — заявил Марк, а после тихо добавил, но я всё же услышала. — Ты посмотри на неё, она не в себе, кто-то должен приглядеть, чтобы ничего с собой не сделала.

— Марк, от тебя разит за несколько метров. Вызывай такси и поезжай домой отсыпаться, — отрезал Влад, захлопнул дверь, обогнул машину и сел за руль, оставив недовольного Марка мёрзнуть на улице.

До посёлка мы доехали в полной тишине и относительно быстро. Я была уверена, что Дёмин высадит меня на дороге у дома, но он заехал на территорию. Полагаю, распахнутые ворота сыграли свою роль. Когда я мчалась за скорой помощью, у меня не возникло и мысли, достать пульт и закрыть их.

Впрочем, как и погасить в доме свет. Он горит в окнах первого этажа и наверху в нашей спальне. От этого, кажется, вот сейчас переступлю порог, и из кухни выйдет Сергей в своём любимом домашнем костюме и с чашкой чая.

Но нет, он не вышел. И уже никогда не выйдет. Теперь я увижу его таким домашним и уютным только в воспоминаниях.

Скинув ботинки с пальто, прямым ходом направилась к лестнице, но задержалась у тумбочки, чтобы взять с собой в спальню рамку с фотографией мужа. Краем глаза заметила фигуру Дёмина у двери и обернулась.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, после чего я поднялась наверх, так и не поблагодарив его за то, что подвёз. Ему моё «спасибо», как лысому фен, без надобности. Лучшим подарком для него бы стали сбывшиеся опасения Марка. Он бы торжествовал, если бы после его ухода я легла в ванну и вскрыла себе вены.

Но я не вскрою, я не подведу и не разочарую Серёжу. Пусть его рядом нет, но уверена, он теперь приглядывает за мной. Я буду жить и буду жить так, чтобы у него был повод мной гордиться.

Погасив в спальне свет, прямо в одежде забралась на кровать и в обнимку с фотографией мужа рыдала. Иногда усталость вкупе с лекарством брали своё, и я дремала, но совсем недолго, потом вздрагивала и просыпалась. Мечтала, чтобы мне приснился Сергей, но снов я не видела ни хороших, ни плохих.

Ровно в восемь утра я провела мысленную черту. Всё, ночь прошла, и время, когда я могла тонуть в горе и позволить себе быть слабой, закончилось. Я встала и, преодолевая себя,

приняла душ, уложила волосы и даже накрутилась. Впереди меня ждёт долгий и трудный день организации похорон и поминального обеда.

Надев перед зеркалом чёрные брюки и такого же цвета рубашку, я увидела в окне свою припаркованную во дворе машину.

— Марк, — выдохнула я с благодарностью.

Как раз в этот момент внизу что-тобрякнуло. Решив, что это Марк воспользовался своим запасным комплектом ключей и приехал проводить меня, поспешила на первый этаж.

— Марк, это ты? — крикнула я, спускаясь по лестнице, и только потом мне пришло в голову, что ключи от дома у Марка, допустим, есть, но откуда у него ключи от моей машины?

— Нет, это всего лишь я, — со злой ухмылкой ответил мне Дёмин, когда заглянула в гостиную.

Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и угощался кофе.

— Ты пригнал мою машину? — спросила я, и он кивнул.

— Пришлось. Вчера я сказал Марку, что разберусь с машинами, а я всегда выполняю свои обещания. Тебя только машина интересует?

— Почему же, не только. Ты пригнал мне машину, большое спасибо, выполнил и не нарушил свой внутренний кодекс. После этого почему сразу не уехал?

— У меня есть к тебе вопросы по поводу вчерашнего дня. Присаживайся, — указал он на диван напротив себя.

По-хорошему следовало послать Дёмина в сторону выхода. Заявился без приглашения, расселся будто барин, опять же хозяйничал на кухне без разрешения, а то, что он машину пригнал, так я его не просила об этом, значит, ничем не обязана. И я бы с удовольствием выставила его вон, да только он ведь не уйдёт. А вытолкать силой у меня не получится.

Сама знаю, да и Серёжа рассказывал, если Владу что-то понадобилось, он широко разевает своё зубастую пасть, с остервенением вгрызается в человека мёртвой хваткой и ни за что не отпустит, пока не получит своё. Поэтому проще, а главное быстрее, уступить его требованию.

Спустя пять минут «вопросов и ответов» меня начало преследовать стойкое ощущение, что Дёмин навязал мне участие в изошрённой ролевой игре, где он строгий следователь, а я особо опасная преступница и к тому же непроходимая лгуныя.

Влад заставил меня вспомнить и описать весь наш вчерашний день с Сергеем в мельчайших подробностях, чуть ли не посекундно. Причём пересказывать мне пришлось не один раз. А после на меня посыпались уточняющие вопросы, цель которых сводилась к одному — подловить меня на лжи и уличить на нестыковках. И несмотря на то, что я оставалась последовательной, не противоречила сама себе, он продолжал наседавать.

В какой-то момент мне даже показалось, что он сейчас прикуёт меня наручниками к ножке стеклянного столика, включит лампу, направит её свет мне в глаза и начнёт орать: «Не сознаёшься – получишь двадцать пять лет!»

— Всё, хватит, — воскликнула я, не выдержав. — Вечером я принимала душ двадцать минут, десять раз уже об этом говорила. После столько повторений мог бы выучить наизусть. Я больше не скажу ни слова, пока не объяснишь, к чему весь этот допрос?

Дёмин ленивым движением заглянул в свою давно опустевшую кружку, убедился, что допил кофе, после откинулся на спинку дивана и многозначительно произнёс:

— Заболевание Сергея не было приговором. Он заботился о себе, правильно питался, много гулял на свежем воздухе, не имел вредных привычек. Он должен был прожить ещё лет пятнадцать. Я считаю, ему помогли уйти.

— Намекаешь, что я помогла? — прямо спросила я, закипая от возмущения.

Если было бы можно поменяться местами, я бы не раздумывая отдала свою жизнь за мужа.

— В списке подозреваемых ты занимаешь верхнюю строчку, — зловеще улыбнулся Влад.
— Ты меня туда поместил, основываясь не на фактах и логике, а на предвзятом отношении. Ну и потому что тебе самому так больше нравится. Если бы ты хоть немного подумал, то понял, я последний человек, кому выгодна смерть Серёжи.

— Да ну, — издевательский хмыкнул он и поинтересовался. — И почему же последняя? Как же мне хотелось встать и плюнуть в наглуемую физиономию Дёмина, за то, что только посмел подумать, что я могла желать зла Сергею. Но, увы, плевок проблему не решит, а наоборот усугубит.

— Не стану объяснять, кем для меня был муж и как сильно я его любила — ты всё равно не поймёшь. Поэтому поговорим на понятном тебе языке – материально-вещественном. Если я такая алчная тварь, какой ты меня считаешь, зачем мне смерть мужа? Все знают, наследник Сергея его племянник Марк, что-то достанется Марго, я же в завещании вообще не упомянута.

— Может, ты беременная, — предположил Дёмин, ещё раз заглянул в кружку, опять увидел пустое дно, но на этот раз не оставил её в покое, а взял и направился с ней в кухню.

Пошла следом за ним.

— Не поняла, а если бы я была беременна, что бы изменилось?

— Многое! — Дёмин даже остановился и обернулся, чтобы ответить. — По закону твой нерождённый ребёнок – наследник первой очереди, и, поскольку на момент рождения он будет несовершеннолетним и нетрудоспособным, ему полагается обязательная доля наследства отца вне зависимости от того, упомянут он в завещании или нет. Так что, если ты родишь ребёнка от Сергея, Марку придётся пододвинуться наполовину. А это огромные деньги.

— Да не может быть, — изумилась я. — Неужели человек не вправе оставить своё имущество, кому сочтёт нужным?

— Именно так, — подтвердил Влад, умело управляясь с кофемашиной. — Таким образом, закон защищает уязвимых наследников.

— Я точно не знаю, спорить не буду, но в любом случае вся твоя теория разбивается о факт, что я не беременная. Если не веришь, принеси тест, пара минут и у тебя на руках появятся доказательства. Представляешь, я даже на это готова пойти, лишь бы ты отвязался.

— А как тебе такая версия: молодой жене надоело жить со стариком, но за время брака она стала владелицей бизнеса и не хочет его делить при разводе, поэтому убивает мужа?

Гримасничать – не в моём стиле, но тут как-то само собой получилось, разведя руками, я утрированно удивилась.

— Бизнес? Мой маленький салон ещё никогда не называли так громко и пафосно. У меня своё дело, правильное даже будет сказать дельце. Вот у тебя бизнес, и у Сергея он был, а у меня – четыре кресла в помещении сорок квадратных метров. За доход, который он приносит, не убивают. Я сама веду бухгалтерию, все финансовые документы здесь, в кабинете. Можешь прямо сейчас достать папки, сесть и изучить, — предложила я, но тут же осеклась, вспомнив одну деталь, которая делала проверку бессмысленной. — Поправь меня, если я не права, но имущество, приобретённое до брака, разве делится при разводе?

— Не делится, — подтвердил Дёмин.

— Я оформила помещение салона в собственность и открыла юридическое лицо за два месяца до брака с Сергеем. Так что и вторая твоя теория летит в мусорное ведро.

Судя по вытянутому лицу, Влад этого нюанса не знал, но надо отдать ему должное, растерялся лишь на долю секунды, а потом его хамоватая ухмылка вернулась.

— Тогда перейдём к третьей теории. Молодая жена положила глаз на племянника своего престарелого мужа, — опять начал выдумывать Дёмин, слегка наклонился к кружке, вдохнул аромат свежего кофе, как мне показалось, остался довольным и продолжил. — Но племянник полностью зависит от своего дяди и никогда не рискнёт перейти ему дорогу. Что же делать

молодой жене? Может устранить мужа? В деньгах она не потеряет, ведь её новый любовник, после смерти дяди станет крайне обеспеченным человеком.

— Алчной тварью мне нравилось быть гораздо больше, чем полной дурой, — с сарказмом заметила я. — Ведь только полная дура может решить, что племянник мужа станет тратить своё наследство именно на неё, с учётом того, что всех своих подружек он называет «Кисами», потому что не в состоянии запомнить настолько стремительно сменяющиеся лица и имена. Влад, твоя проблема в том, что ты подгоняешь теории уже под готовый вывод, а надо делать наоборот.

Дёмин резко оттолкнулся от столешницы и так же стремительно оказался возле меня.

— Я рассматриваю все возможные варианты, — прошептал он вкрадчиво мне на ухо, будто боялся, что нас кто-то услышит. — Но, если у меня появятся доказательства, что ты приложила руку к смерти Сергея, я тебе искренне сочувствую. Ты даже не представляешь, через какие круги ада я тебя с отяжкой протащу.

— Главное, чтобы речь шла о настоящих доказательствах. Не хотелось бы получить приговор, основанный на фантазиях, — не знаю зачем, но я произнесла это тем же тоном, что и Дёмин и тоже ему на ухо, но если ему пришлось для этого наклоняться, то я приподнялась на цыпочки. — Я всем сердцем люблю... любила Серёжу. И мне ни капли не страшно, я ни в чём не виновата. А вот насчёт тебя сомневаюсь. Ты с такой уверенностью утверждаешь, что Сергеем помогли уйти... это наводит на мысль, а может ты точно знаешь, потому что сам и помог?!

— Что ты несёшь?! — яростно выплюнул Дёмин, отшатнулся на шаг и смотрит на меня, будто готов ударить.

— Ты насочинял для меня столько интересных историй, — ничуть не испугалась я. Даже если он отвесит мне оплеуху, большее, чем сейчас, всё равно не будет. — Хочу тоже развлечь тебя своим рассказом. Жили два деловых партнёра. Один – серьёзный и зрелый, а другой – более молодой, амбициозный. Молодому не нравилось оставаться в тени более опытного компаньона. Ему хотелось быть первой скрипкой. Поэтому он вероломно убрал старшего товарища с дороги. А чтобы его никто не заподозрил в преступлении, решил обвинить в убийстве ни в чём не повинную, беззащитную и убитую горем жену своей жертвы.

На шее Дёмина от злости и напряжения вздулись вены, а кулаки сжались до побелевших костяшек.

— Убитая горем говоришь? — процедил он сквозь зубы, окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног и пропустил сквозь пальцы прядь моих волос. — Шикарно выглядишь для безутешной вдовушки. На фотосессию собралась?

— Да, собралась. И тебе пора собираться... только на выход. Я сейчас поднимусь в спальню за сумочкой, а когда спущусь, тебя здесь уже не должно быть. Не заставляй меня нажимать на тревожную кнопку и сообщать о незаконном проникновении в дом.

Когда я через полчаса спустилась на первый этаж, Дёмина и след простыл. Но пакостить он не перестал.

Когда приехала в больницу, чтобы узнать, что делать дальше и какие документы нужны для организации похорон, мне сообщили, что у врачей возникло подозрение о насильственной смерти. Тело Сергея отправили в судебно-медицинский морг для экспертизы, и теперь мне нужно ждать разрешения от следственных органов, чтобы получить тело и оформить захоронение.

Кто надоумил врачей насчёт насильственной смерти — догадываюсь. Ещё уверена, Дёмин не поленится и сбегает в следственный комитет, чтобы и там распространить свои теории.

Глава 5

Сначала я ждала назначения следователя, потом, когда он ознакомится с делом, однако даже после этого ничего конкретного он мне не сказал, поскольку ему ещё не предоставили результаты судебно-медицинской экспертизы. Я ежедневно названивала в следственный комитет, но вопрос о выдаче тела так и висел в подвешенном состоянии.

Единственное, чего я добилась своей настойчивостью — настроила против себя следователя. В прошлый наш разговор он задал мне колкий вопрос: «Куда так тороплюсь и почему?» смысл которого прозвучал примерно так: «Уж не вы ли приложили руку к кончине мужа и поэтому так спешите с похоронами?».

Мне бы ответить, что никуда я не тороплюсь и понимаю, на всё требуется время, но и мне нужна определённость.

Но нет. Я разозлилась и полезла в бутылку. Заявила, что не дёргала бы его, если бы видела в действиях следственного комитета хоть какой-то смысл. Но муж страдал хроническим сердечно-сосудистым заболеванием и умер от остановки сердца. А они, вопреки здравому смыслу, записали трагическую, но естественную смерть в категорию подозрительных и теперь бесчеловечно поступают с его телом. Ну и под послед обвинила следователя, что он действует по указке и в угоду Дёмина, а это непрофессионально и даже преступно.

Следователь тоже вспылал и начал кричать в трубку, правда, недолго, от греха подальше я почти сразу сбросила вызов, но пока не нажала на кнопку отбоя, успела услышать, что за клевету в адрес представителя власти можно и ответить.

Похоже, пришло время подключать Марка. Пусть тоже попробует поговорить со следователем. Возможно, им, как мужчинам, будет проще найти общий язык. К тому же Марк обладает редким даром располагать к себе людей, независимо от возраста и пола. И не помешает, если следователь поймёт, что не только я возмущена этой тягомотиной с телом Сергея, но и другие родственники тоже.

Позвонив Марку, я удивилась, когда он предложил встретиться в офисе фирмы Сергея. Да, номинально он там числился с восемнадцати лет, но я никогда не слышала, чтобы появлялся. Видимо, парень готовится вступить наследство и лично руководить доставшейся частью компании. Одобряю. Хотя мне и не совсем нравится, что придётся переступить порог здания, где можно нарваться на Влада.

— Какие вопросы, конечно, позвоню. Только скинь мне номер следователя, — другого ответа от Марка я и не ждала. — Может, всё-таки выпьешь кофе?

— Давай, — если в первый раз я отказалась, то сейчас решила, что лишняя порция бодрости не помешает.

Марк поднялся с дивана, подошёл к столу, взял телефон и заказал у секретаря две чашки кофе.

— Ты прямо как взрослый, — заметила я, внимательно наблюдая за парнем. — Стол завален бумагами, свой секретарь, строгий костюм, галстук... Серёжа сейчас на тебя смотрит и радуется, что ты так рьяно взялся за его дело.

Марк с тоской взглянул на меня, вздохнул с явной тяжестью на душе, но тут же встрепенулся и снова заулыбался.

— Если честно, вся эта офисная возня мне не по душе. Трудно, скучно, всем от тебя что-то нужно, но я стараюсь. Как ты правильно заметила, надо взрослеть. Как-никак двадцать семь лет, считай, тридцатник уже сидит на носу.

Нам принесли кофе, и Марк снова присел рядом со мной на диван.

— Я тут вот ещё что подумала, — начала я, — Может, мне ещё попросить Марго, позвонить следователю? Она тоже родственница и умеет разговаривать с людьми так, будто она важная и мудрая особа.

Марк отрицательно замотал головой.

— Полина, я не хотел по этому поводу распространяться, но чтобы ты не звонила Марго, вынужден рассказать. Она... как бы... в запое. Она и до смерти дяди прикладывалась к бутылке, но эта новость окончательно загнала её на дно.

— О боже, — ужаснулась я. Да, на юбилее Марго не выпускала из рук бокал, и в больнице прикладывалась к фляжке, но чтобы уйти в запой... — А в каком смысле добила? У неё до этого ещё что-то случилось?

Марк вскинул голову и удивлённо посмотрел на меня.

— А ты разве вообще ничего не знаешь?

— Видимо, нет. А что я должна знать?

Марк отвёл взгляд и потёр затылок, словно сомневаясь, стоит ли говорить.

— Марк?!

— Да тут такое дело... Ты только Марго, ни в коем случае не говори, что тоже в курсе, она и так сильно переживает. В общем, наша Марго нарвалась на мошенников. Ну, знаешь, есть такие конторы, которые пудрят людям мозги и обещают через три месяца удвоить или даже утроить их вклад. Вот одна из таких контор и развела Марго. Она давно мечтала о доме на побережье, а денег на эту прихоть не было. Марго решила, что самая умная, продала квартиру, которую ей после развода оставил Сергей, сняла все свои сбережения и, довольная тем, что скоро будет в собственном доме слушать шум волн, отнесла мошенникам. Конечно, они её кинули. Марго осталась без жилья и с пустым счётом.

— Я в шоке, — я так опешила от услышанного, что прикрыла рот ладонью. — Где она сейчас живёт и на что?

— Снимает однушку и экономит. После того как поняла, что её облапошили, обратилась к Сергею, чтобы он купил ей квартиру и дал денег на жизнь. Дядя согласился помочь, но не так, как она планировала: он просто начал переводить ей ежемесячно сумму, чтобы хватало на аренду и на бытовые расходы.

— Серёжа мне и полслова об этом не сказал, — выдохнула я, поражённая ситуацией.

— Марго с нас обоих взяла слово, что мы никому не расскажем. Дядя сдержал обещание, я теперь уже нет. Про эти схемы мошенников трубят на каждом углу не один десяток лет, но люди всё равно попадают. Марго сильно стыдится.

— А как же ей теперь быть? Нет Серёжи, нет денег.

— Первое время я ей помогу. А потом она получит свою часть наследства, — ответил Марк.

— Но ведь ей достанется не так много. На сколько лет или месяцев ей хватит этих денег? — спросила я, потому что, когда упоминалось завещание, доля Марго озвучивалась как незначительная.

Марк как-то снисходительно на меня посмотрел и пояснил:

— Полина, ты, видимо, не до конца осознаёшь, до какой степени твой муж был обеспеченным человеком. Ей достанется немного от общего наследства, но это весьма солидная сумма. Марго сможет купить себе квартиру не хуже прежней, остаток положить на счёт и вновь жить на проценты.

— Тогда хорошо, не так всё печально, — выдохнула я.

Марго – не самая приятная женщина в мире, но Сергея она любила и хорошо к нему относилась, и только поэтому я желаю ей добра.

— Кстати, насчёт содержания, — немного смущаясь, начал Марк. — Я и тебе хочу его назначить. Несправедливо, что тебе ничего не достанется.

— Нет-нет, — запротестовала я. — Это лишнее.

— Назначу и всё, — практически прикрикнул на меня Марк. — Можешь снимать эти деньги и раздавать прохожим на улице, но ты будешь их получать. Полина, я уверен, дядя бы обязательно внёс тебя в завещание, он просто не успел.

— Я подумаю над предложением, — пообещала я, чтобы поскорее закрыть эту тему, ведь как-то неправильно обсуждать деньги Серёжи ещё до его похорон.

— Полина, мы же не разбредёмся с тобой в разные стороны? — спросил Марк, подсаживаясь ко мне ещё ближе. — Будем поддерживать отношения? Встречаться?

— Конечно, будем! — воскликнула я. — Серёжи нет, теперь ты — единственный близкий мне человек.

Марка явно тронули мои слова, и он развёл руки, приглашая обняться. Приняла приглашение, прижавшись к груди парня.

— Марк, ты заглядывал в почту, я тебе отправил... — распахнулась дверь, и послышался голос Дёмина.

Вовремя, ничего не скажешь. Он специально сидел под дверью, караулил?

— Помешал?! — со злой усмешкой и изобличительным тоном протянул Дёмин.

Но это Дёмин. Он такой человек. Если не достанет жало и не прыснет ядом, его потом весь день будет ломать. Тем более, увиденная им картинка, пусть с огромной натяжкой, но подтверждает одну из его бредовых теорий, почему я свела Сергея в могилу.

Но зачем Марк отшатнулся от меня, будто обжёгся? С какой стати подпрыгнул на ноги и почему смотрит на Влада так, словно непутёвый щенок, которого хозяин застукал за производством лужи на самом пушистом и ценном ковре в доме?

Впрочем, Дёмин тоже смотрит на нас красноречиво. Скажу банальность, но, если бы взглядом можно было испепелять, я бы давно превратилась в обугленную дымящуюся головешку.

Всё было более чем пристойно. Просто два товарища по несчастью поддерживали друг друга, невинно обнявшись. Но Дёмин и особенно Марк своей неадекватной бурной реакцией перевернули ситуацию с ног на голову.

Какого, простите меня, хрена, они ведут себя так, будто мы с Марком не сидели днём в кабинете на диване, а лежали в спальне на кровати и без одежды, а Дёмин вошёл в самый разгар событий и застукал нас на горячем?

Нет. Я отказываюсь смущаться, чувствовать неловкость и нервно суетиться, как Марк.

— Ты мне что-то скинул на почту? — растерянно пробормотал племянник мужа и поспешил к столу, чтобы уткнуться в ноутбук и прочитать. — Ого, сколько у меня новых входящих! Я ещё не привык к такому количеству писем, раньше ко мне залетал один только спам.

— Не торопись, — бросил Влад, глядя на парня с пренебрежением.

Пока Марк рылся в почте, Дёмин походкой хищника прошёлся по кабинету, а потом с тяжёлым вздохом опустился на диван рядом со мной.

— Отлично выглядишь, — ухмыльнулся он, глядя на меня так, словно готовится прямо здесь и сейчас придушить.

— Спасибо, — ответила я с улыбкой, делая вид, будто принимаю его слова за комплимент, а не за упрёк в том, что хорошо выгляжу, потому что совсем не убиваюсь по мужу. — Стараюсь держаться.

Провокация не удалась, и взгляд Дёмина помрачнел ещё больше.

— И времени даром не теряешь, да? — ядовито заметил он, явно намекая на то, что минуту назад я коварно, беспринципно и, главное, вполне успешно пыталась соблазнить Марка.

— Я бы так не сказала, — опять же крайне миролюбиво отозвалась я. — Какой день воюю со следственным комитетом, но они не дают похоронить Сергея. А когда разговаривала

со следователем, прочла между строк, что какая-то гнида им нашептала, мол, Серёжу убили. Более того, эта гнида ещё и указала на меня пальцем, как на убийцу. Как считаешь, что бы сказал Серёжа этой гниде, если бы мог? Одобрил бы он, что вопреки его вере, тело до сих пор в море, а на его жену пытаются натравить следователя?

Глаза Дёмина налились яростью, а сам окаменел, даже через костюм видно, как напряглась каждая мышца, но только он открыл рот, чтобы изрыгнуть либо оскорбление, либо угрозу, как я его опередила, первой сказала:

— Не отвечай сейчас. Подумай об этом на досуге.

Вопрос с Марком решила, поэтому поторопилась встать, чтобы как можно скорее уйти, но не успела.

Дёмин не просто догнал меня, он схватил за запястье и, резко дёрнув, развернул к себе.

— Ополоумел?! — прошипела я, больше от возмущения, чем от боли.

— Думаешь, можешь наговорить мне всякого и просто уйти?! — прорычал Влад практически мне в лицо.

— А почему бы и нет? — вырвала руку и отступила на шаг.

Неизвестно, чем бы закончилась потасовка, но между нами неожиданно втиснулся Марк с поднятыми руками и призвал к спокойствию.

Со стороны Марка было мудро влезать в гущу событий с поднятыми руками. Я видела, с какой готовностью дёрнулся Дёмин, чтобы размазать парня о ближайшую стену, но жест, символизирующий безоружность и отсутствие агрессии, удержал его от рукоприкладства. Так что Влад только рывкнул на Марка:

— Не лезь, с тобой я отдельно поговорю. Позже.

— Вы можете не орать! — потребовала я, заметив в раскрытой сумке экран телефона, на котором высветился входящий звонок из следственного комитета. — Мне следователь звонит.

Вопреки ожиданиям мужчины послушались, и в кабинете всё стихло. Под сверлящим взглядом Дёмина и встревоженным – Марка, я ответила на звонок. А когда следователь начал вываливать на меня шокирующую информация, я почувствовала, как ноги слабеют, кое-как добралась до дивана и присела, чтобы не рухнуть на пол.

Пообещав перезвонить следователю, когда приду в себя и начну мыслить ясно, я скинула вызов, Марк тут же оказался рядом и, присев на корточки, заглянул мне в лицо.

— Полина, что он сказал? Ты вся белая.

Несколько раз я пыталась повторить слова следователя, но открывала рот и лишь невнятно мычала, а после начинала часто моргать, пытаясь сдержать слёзы.

— Соберись, — не выдержав, строго гаркнул на меня Влад, и это подействовало.

Нет, я не успокоилась, но хотя бы смогла говорить.

— Следователь сказал, что согласно экспертизе, смерть Сергея не была естественной. Его сердце остановилось из-за интоксикации глида... нет, глика...

— Гликозидами, — подсказал Дёмин, и я согласно кивнула.

— Да, кажется, он их так называл.

— Кажется?! — взревел Влад, сокращая между нами расстояние. — Не знаешь, как называлось лекарство мужа?! Ты его здоровьем, вообще, интересовалась?

— Марго из себя корчишь? — огрызнулась я. — Я за Сергея вышла замуж, а не усыновила его. Он был взрослым, ответственным, полностью самостоятельным мужчиной, а не дряхлым маразматиком, за которым нужно было бегать с ложечкой и напоминать о таблетках. Он развёлся с Марго отчасти из-за её чрезмерной опеки, потому что на дух не переносил, когда над ним кудахнут. И это единственное, о чём он меня просил — позволить ему самостоятельно разбираться с болячкой. И я с уважением отнеслась к его просьбе.

— Что такое интоксикация? — вмешался Марк, поднимаясь на ноги и вновь вставая между мной и Дёминым.

Марк наверняка в курсе, что такое интоксикация, но его отвлекающая уловка сработала, после вопроса мы с Дёминым прекратили собачиться.

— Отравление, — всё же ответила я на всякий случай. — И получается, Серёжа отравился или его отравили этими самыми гликозидами. Как сказал следователь, смертельная доза препарата всего в несколько раз превышает терапевтическую. Нередки случаи, когда люди по забывчивости принимают лекарство повторно и травятся сами. Но не исключён и злонамеренный умысел. Теперь откроют следствие и будут выяснять обстоятельства.

— Ну дела, — выдохнул побледневший Марк, обхватив голову руками.

— Чтобы Сергей забыл, что он уже принял таблетку? — с сомнением протянул Дёмин, мотнул головой и уверенно заявил. — Бред! Не может такого быть. Мы были не только партнёрами, но и друзьями, более педантичного и организованного человека я не встречал. Его отравили! — заключил Влад, указывая на меня пальцем, словно говоря: «Ты его отравила».

— Полностью с тобой согласна, — ответила я, смело глядя ему в глаза. — Сергей по забывчивости не превысил бы дозу. Он вообще ничего и никогда не забывал. Его отравили. И если ты был ему другом, как утверждаешь, хотя бы допусти мысль, что отравила не я. Потому что я этого не делала! Оглянись вокруг непредвзятым взглядом. Кому он мог помешать? Или, может быть, на него кто-то точил зуб? Не допусти, чтобы эта тварь и дальше топтала безнаказанно землю, — уже выкрикнула я.

Судя по ненависти, с которой Дёмин на меня смотрит, он не собирается, допускать мысли, что убила не я. Но мой взгляд тоже не излучает дружелюбие. Если в прошлый раз я обвинила Влада в смерти Сергея лишь для того, чтобы показать абсурдность его теорий, то сейчас всерьёз задумалась, а что, если я случайно попала в точку?

При жизни Сергея Влад был вынужден делить с ним власть в фирме, зато с неопытным Марком, которому, скорее всего, очень быстро надоест играть в бизнесмена, он получит полный контроль.

— А что, если дядя не принял таблетки повторно, а просто перепутал их между собой? — предположил Марк. — Он ведь пил не только лекарства для сердца, но и витамины, БАДы там всякие. И для удобства перекладывал их из блистеров в специальный контейнер. Может, таблетки от сердца и витамины были похожи?

— Нет! — одновременно воскликнули мы с Дёминым, синхронно повернувшись к парню.

— Полина, ты куда? — спросил Марк, когда я встала и направилась к двери.

— В Следственный комитет. Хочу лично поговорить со следователем и попросить его не рассматривать версию о несчастном случае. И будет не лишним извиниться перед человеком. Всё это время он был прав, а я ошибалась.

Глава 6

Я никогда не смирюсь с потерей Сергея. Боль утраты всегда будет со мной, но пока считала, что его жизненный путь оборвался, потому что пришло время, жить с этим было чуточку легче. Теперь же к опустошению, скорби и одиночеству добавились раздирающая изнутри ярость и ненависть к человеку, который посмел отнять жизнь лучшего из людей.

Если... нет, когда я узнаю, кто это сделал, в его же интересах сдать добровольно властям. В ином случае я из него вытрясу всю душу, голыми руками порву на куски... И я не успокоюсь, пока не найду эту тварь, даже если на это уйдёт вся моя жизнь.

Я догадывалась, что пройти в Следственный комитет не так просто, поэтому позвонила следователю, прежде чем ехать. И не зря. Его не оказалось на месте, он был на выезде, и мы договорились встретиться в кофейне.

Заходила в заведение с подрагивающими руками, ведь мне предстояло убедить в своей правоте того, с кем до этого несколько дней ругалась по телефону и испортила отношения. К тому же, исходя из общения, этот Фролов по характеру ну такой себе человек: придирчивый, вспыльчивый, чуть что – сразу рычит.

Кофейня, предложенная следователем, не отличалась ни стилем, ни уютом – вообще ничем. Даже манящий аромат кофе отсутствовал, отчего зал пустовал. Среди посетителей только девушка, уткнувшись в телефон, сидела в углу, и мужчина занимал столик у окна.

Если это и есть следователь Фролов, то я представляла себе его совсем по-другому. В моём воображении он был старше, ниже две на головы и не такой симпатичный. А этот, если бы не проглядывающая лысина на макушке, был бы прямо красавцем: высокой, плечистый, держит себя в форме, да и одет хорошо. Но главное – приятное, даже доброе лицо.

— Олег Владимирович? — подойдя к столику, уточнила я.

— Да? — как-то удивлённо ответил мужчина.

— Я Полина. Полина Сабитова.

— Я уже понял, — следователь встал, отодвигая для меня стул, и, улыбаясь, признался. — Только я думал, вы... немного другая.

— Хуже или лучше? — спросила я, чем, кажется, смутила его.

— Более стержневая, что ли. А вы, оказывается, милая девушка. По крайней мере, на первый взгляд.

— Давайте, забудем все наши телефонные разговоры и начать всё сначала, — предложила я, следователь согласился, после принесла ему свои извинения и попросила отбросить версию о несчастном случае.

— Олег Владимирович, в плане организованности Сергей был уникальным человеком. Я, например, когда смотрю телевизор, могу десять раз потерять пульт. С ним же такого никогда не случалось. Ключи он всегда клал в одно и то же место, как и телефон. Он никогда не опаздывал, не просыпал, но главное – за всю нашу совместную жизнь я ни разу не слышала от него: «Я забыл».

— Полина, помимо насильственной смерти и несчастного случая, существует и третья версия. Как вы считаете, ваш муж мог покончить с собой?

«Может, мне повезёт, и я долго не проживу. Меньше всего я хочу, чтобы ты оставалась рядом из жалости» — в голове вдруг отчётливо прозвучали слова Сергея, сказанные им, когда мы возвращались домой после юбилея.

— Самоубийство исключено, — как мне показалось, твёрдо и уверенно заявила я. Тем не менее Фролов практически лёг грудью на стол и внимательно всмотрелся в моё лицо.

— А о чём вы подумали сразу после моего вопроса? Вы ведь что-то вспомнили, верно?

— Вам показалось, — солгала я, надеясь, что следователь отбросит эту дикую версию.

— Да нет, что-то вспомнили и не хотите говорить, — с разочарованием выдохнул он.

— Сергей не мог покончить с собой хотя бы потому, что он любил меня и не стал бы травиться, зная, что я проснусь с ним в одной постели. А вспомнила я его страхи – он боялся, что в какой-то момент наша разница в возрасте станет ощущаться сильнее, и всё.

— Хорошо, — кивнул следователь и с некоторой осторожностью спросил. — Могу ли я с вашего согласия временно изъять всю вашу цифровую технику в доме?

— Конечно.

— А как насчёт... — Фролов запнулся, недоговорив фразы, но многозначительно посмотрел на мой телефон.

— Забирайте прямо сейчас, — я толкнула телефон в сторону следователя, чем вызвала на его лице нескрываемое удивление.

— Даже так? Редко и со скрипом, но люди соглашаются на изъятие техники, но чтобы личный телефон... С таким сталкиваюсь впервые. Обычно приходится предъявлять постановление.

— Я вам окажу любое содействие, какое только потребуется.

Фролов вызвал своих коллег, и они вместе забрали из нашего дома компьютер, мой и ноутбук мужа, даже изъяли несколько старых телефонов. В качестве поощрения за сотрудничество следователь пообещал вернуть мой телефон уже завтра, как только с него скопируют информацию.

Вечером перед сном я дольше обычного стояла под душем, надеясь, что вода смоет с меня хоть часть того гнетущего чувства, которое возникло и с каждой минутой лишь разрасталось, после того как я узнала об отравлении.

Я обернулась полотенцем лишь тогда, когда кожа на ладонях и ступнях некрасиво сморщилась от воды, а выйдя из ванной в полумрак спальни и увидев у окна высокую мужскую фигуру, от неожиданности и испуга подпрыгнула чуть ли не до потолка.

— Твою же мать, Влад! Какого чёрта ты здесь забыл! — прорычала я, узнав незваного гостя.

— Ты не отвечала на звонки, вот и приехал. Машина во дворе, в доме горит свет, а дверь никто не открывает. Пришлось войти самому, — пояснил Дёмин, причём настолько будничным тоном, словно отвечал на вопрос «А какая завтра погода?»

— Ты вламываешься в каждый дом, куда заявляешься без приглашения и тебя не пускают? — выкрикнула я, задыхаясь от возмущения. Испугалась так, что до сих пор в себя не пришла, сердце колотится как очумелое, и поджилки трясутся.

— Подумал, вдруг, что случилось, — признался Дёмин, глядя в сторону и как бы нехотя, словно выдавливая слова из себя. — Мало ли. Ты в доме одна, до соседей... в общем, убивать будут, никто не услышит. Как-то так.

— Ну да, — ехидно усмехнулась я, чувствуя, как паника понемногу отступает. — Если бы меня здесь убивали, ты бы ворвался с одной единственной целью, убедиться в летальном исходе. А нет, сам бы помог – добить, расчленил и в лесу прикопать.

— Далеко ли? — прорычал Дёмин, когда я развернулась в сторону ванны.

— Одеться, — рявкнула в ответ я. — В моей спальне левый мужик, а я практически голая.

Захлопнув дверь ванной и закрывшись на замок, я яростно натягивала халат, запахивала его и туго затягивала пояс, ругая Дёмину, на чём стоит свет:

— Отморозенная козлиная морда... Чтоб тебя самого кто-нибудь до усрач... так напугал!

Не успела я придумать очередное проклятие, как вылетела обратно в спальню.

— Ты же, надеюсь, дверь или окно не выставил, чтобы войти?

Только этого мне не хватало, чтобы провести ночь в доме с высаженным стеклом или выломанной дверью.

— Нет, — отозвался Дёмин, уже по-хозяйски развалившись в любимом кресле Сергея. — У меня есть ключи, — он похлопал по карману брюк. — Сергей давным-давно дал, на всякий случай.

— Верни их немедленно! — потребовала я, протягивая руку.

Дёмин, конечно, сразу подскочил, достал ключи и отдал их мне, но только всё это произошло в другой, более вмняемой вселенной, а в этой Влад лишь иронично на меня посмотрел и усмехнулся.

— Да и чёрт с ними, подавись, — выплюнула я. Не драться же мне с ним из-за этих ключей. Да и какой смысл? Всё равно через несколько дней съезжаю.

— А это что за чемоданы? — Влад кивнул на распахнутую дверь гардеробной, где я уже потихоньку начала собирать вещи. — После похорон решила махнуть на моря?

— Ага, решила, только не на моря, а в съёмную однушку. Это теперь дом Марка, жил-площадь нужно освобождать.

— У вас с Марком такие... близкие, я бы даже сказал, нежные отношения. Неужели он тебя гонит?

— Не твоё собачье дело! — процедила я, тщательно выговаривая каждое слово. — Ты зачем припёрся? Говори что хотел, и вали!

— Хотел сказать, чтобы ты сильно не радовалась, — заявил Дёмин, поднимаясь с кресла и медленно надвигаясь на меня. — Не знаю, чем ты там умастила следователя... Деньги пообещала, легла под него, может, только пообещала лечь... Но после вашей встречи, его тональность в отношении тебя резко сменилась, — он остановился лишь тогда, когда между нами вообще не осталось пространства, если я подамся вперёд хоть на миллиметр, мы коснёмся друг друга. — Хватит одного моего звонка, чтобы этого следователя заменили на другого.

— По-хорошему врезать бы тебе по роже за твоё «Легла под него», да не умею. Не трогай следователя, он вроде толковый. А тон он поменял, потому что последние дни я его доставала звонками и руганью, а сегодня извинилась и в качестве помощи следствию даже свой телефон отдала на копирование. Собственно, поэтому ты и не дозвонился. Ну позвонишь ты, ну назначат нового следователя, а если он окажется бестолочью? Ты хочешь настоящего убийцу найти или меня за решётку упечь? И плевать, что тварь, отравившая Серёжу, будет спокойно жить дальше?

— Недооценил я тебя, прожжённого следователя и того околдовала, — пробормотал Дёмин, словно не слыша меня. — Ведьма!

— Привязать бы ведьму к столбу и сжечь! — хмыкнула я. — Об этом мечтаешь? А руки коротки.

— Не коротки, в том-то и дело, — Дёмин поднял руку, будто собирался взять мою шею в кольцо, а у самого глаза безумные и желваки на скулах ходуном ходят. — Твоё счастье, что у меня сомнения есть. Беги и прячься, если их не останется.

Другими словами, Влад только что заявил мне прямо в лицо, что я до сих пор дышу лишь потому, что ему требуются хоть какие-то, пусть даже самые неубедительные доказательства, чтобы меня казнить. Если же они у него появятся, или он их просто благополучно придумает, то моё тело без всякого суда и следствия всплывёт в полиэтиленовом мешке с привязанным грузом в каком-нибудь водоёме. Или не всплывёт, но там будет.

Дверь и окна плотно закрыты, сквозняку неоткуда взяться, но по моим ногам, а после и по спине с затылком прокатилась волна ледящего холода.

— Завтра же, первым делом, я напишу на тебя заявление, в котором подробно опишу, как ты мне угрожал, — припугнула я Дёмина, предварительно с трудом сглотнув комок, застрявший в горле. — Если со мной что-нибудь случится, в твою дверь постучат в первую очередь.

— Сколько угодно, это твоё право, — с нескрываемой насмешкой, отразившейся как на губах, так и в глазах протянул Влад, мол, напугала кота канарейка.

— Ты кем себя возомнил?! — зарычала я от отчаянья, ведь моё предупреждение вообще никакого действия не возымело. — Следователем, судьёй и присяжными в одном лице?! Палача, думаю, в список не нужно включать: навряд ли сам станешь марать руки. Да, по тебе уже обрыдались медицинское учреждение с решётками и смиренная рубашка. Соседей бы там с такими же великими, как ты, Наполеонами и Клеопатрами, и рассказывал им о своём всемогуществе.

— Что-то тебя, Полина, совсем не в ту степь потянуло. Бесплезное это дело, рассказывать друг другу, где и кто о нас обрыдался. Если начнём, до утра не управимся. Я тебя предупредил, завязывай обхаживать следователя, иначе дело передадут другому, — выдохнул Дёмин и чуть отстранился, оглядывая меня одновременно внимательно и презрительно. — И что такого особенного находят в тебе мужики?

— Ты мужчина, вот и ответь, — фыркнула я. — Какого хрена начиная с первого дня ты таскаешься за мной, как привязанный, тарачишься постоянно, будто на мне какие-то умные фразы написаны, нет-нет да ручищами лапаешь? А сегодня так вообще отличился, забрался в дом, пока я мылась в ванной — самая заезженная сцена из фильмов про маньяка-убийцу.

— Ты себе льстишь, — отрезал Дёмин, глядя на меня теперь уже не просто презрительно, а с утрированным отвращением. Видимо, чтобы у меня не осталось ни малейших сомнений в его ненависти к моей скромной персоне.

— Нет. Скорее, это ты мне льстишь, — нашлась я с ответом. — Ты же всё это делал.

— Но не потому, что ты меня привлекаешь, скорее наоборот, — напирал на своё Влад, но и я не планировала сдаваться:

— А это без разницы. Внимание есть внимание. С плюсом оно или с минусом — дело десятое.

Кажется, я впервые пробила броню Дёмина. Нет, он и раньше злился и выходил из себя, когда мы ругались, но по-настоящему, чтобы прямо до трясушки не нервничал. А сейчас он то на одну ногу сильнее обопрётся, то на другую, будто, стоя на месте, никак не может найти удобную позу. Глаза не то чтобы бегают, но взгляд не сосредоточен исключительно на мне, как обычно. И самое главное — видно, что он стораёт от желания заткнуть мне рот, но не знает, как именно это сделать.

Похоже, я нащупала у Влада слабое место — это начать его обвинять, пусть в нездоровом, но влечении ко мне?

— Если я тебя так уж не привлекаю, — ткнула пальцем в грудь Дёмина, продолжая на него наседавать, чтобы проверить, права я со своей теорией насчёт его слабого места или же нет. — Почему тогда, когда я вышла из ванной в одном полотенце, ты мне весь пол спальни обляпал слюнями? А зачем смотрел голодными глазами и раздевал? Да ты меня так шупал взглядом, что не удивлюсь, если завтра выступят синяки.

Дёмин отшатнулся от меня и, резко набрав в грудь воздух, чуть не подавился от возмущения.

— Да на хрен ты мне не сдалась, — наконец прорычал он, отступая ещё на несколько шагов. — Я этот бред слушать не намерен!

Да это же чистая магия. Настоящее и действенное заклинание для изгнания дьявола. Ведь Дёмин направился к выходу и двигается не по прямой, а по дуге, чтобы держаться от меня хотя бы на расстоянии пары метров.

— Крышу пролечи, подтекает, — рявкнул мужчина, прежде чем с силой захлопнуть за собой дверь.

— Вот так-то, — довольная собой усмехнулась я, а после крикнула ему вслед. — Вали, вали и не смей возвращаться!

Глава 7

После завершения всех экспертиз, следователь дал разрешение, и вчера тело Сергея предали земле. Поскольку с момента его кончины прошло немало времени, а также велось расследование обстоятельств смерти, чтобы избежать ненужных пересудов, мы с Марком решили провести церемонию прощания в узком кругу, только для самых близких.

Я беспокоилась, что Дёмин на похоронах устроит что-то в своём репертуаре. Например, возьмёт слово и скажет: «Сегодня мы прощаемся с замечательным человеком, кстати, если кто не знает, его убила жена. Не забудьте выразить ей свои соболезнования». Но мои опасения не оправдались. То ли Влад ещё не отошёл от нашей последней перепалки, то ли из уважения к Сергею всю церемонию молчал, был мрачно-строгим и держался от всех в стороне.

Сегодня же я прощаюсь с домом, где мы так уютно и счастливо жили с Серёжей, и переезжаю в квартиру. Марк вызвался мне помочь, сказал, что я сломаюсь, если сама спущу чемоданы со второго этажа на первый, загрузу их в багажник, а после заволочу в квартиру.

— Полина, я тебе уже говорил, но считаю нужным повторить, — сказал Марк, выкатывая последнюю сумку из гардеробной и с трудом поднимая её наверх кучи точно таких же. — Тебе совсем необязательно съезжать. Я не собираюсь продавать дом или жить в нём. Ты можешь оставаться здесь сколько угодно, хоть навсегда. И, конечно, все расходы по содержанию дома я возьму на себя. Подумай ещё раз, пока не перевезла вещи.

— Ты же мой хороший, — протянула я, подойдя к парню и взъерошив его волосы на макушке. — Но теперь тебе нельзя быть таким добрым. Иначе люди начнут пользоваться тобой и бесконечно тянуть деньги. Твоя задача не только сохранить капитал Серёжи, но и по возможности его приумножить. А ты только что чуть не отдал целый дом в вечное пользование, причём за свой же счёт.

— Я же предложил дом не кому-то левому, а тебе, — пробурчал он обиженно, приглаживая длинную чёлку. — Потому что ты здесь хозяйка, а я гость. И лично для меня наши роли никогда не меняются.

— Спасибо, Марк, — серьёзно сказала я. — Правда, спасибо, и не только за щедрое предложение, но и за всё. Не знаю, как бы я справилась без твоей помощи. Но я не могу жить в этом доме. Куда не посмотришь, накатывают воспоминания, перед глазами начинают мелькать события..., это больно. Недавно утром, я толком ещё не проснулась, как услышала шум с первого этажа, будто кто-то в кухне поставил на стол кружку. И первой моей мыслью было, что это Серёжа пьёт кофе с утра. Я даже улыбнуться успела, — призналась я, и мой голос дрогнул, а из глаз брызнули слёзы. — И лишь после вспомнила, что такого просто не может быть, Серёжи нет. Ровно мгновение я была так счастлива, а затем целый день не могла прийти в себя.

Марк попытался улыбнуться, но не получилось, зато у него, как и у меня, увлажнились глаза.

— Полина, это случится нескоро, но обещаю, когда-нибудь тебе станет легче. А теперь иди сюда, обнимемся, что ли, — Марк крепко обнял меня, успокаивающе погладил по спине и с нарочитой тревогой спросил. — У тебя ресницы накрашены? По опыту знаю, девичьи слёзы с соплями на ура отстирываются с белой футболки, зато тушь въедается намертво.

— Какой же ты всё-таки балабол, — шлёпнула я его по груди и, пусть хлюпая носом и через слёзы, но рассмеялась. — Всё, неси вещи в машину, а я посижу ещё в спальне минут пять, попрощаюсь с прошлой жизнью.

Когда Марк ушёл, я села на кровать, взяла подушку Сергея и уткнулась в неё лицом. Она хранила запах любимого человека. Если закрыть глаза и отключить мозг, можно представить, что обнимаю Сергея. Взять подушку с собой? Нет. Как я недавно сказала Марку, это слишком больно.

Я так глубоко ушла в свои мысли, что аж вздрогнула, когда в сумочке завибрировал и одновременно зазвонил телефон.

— Да, — ответила я на вызов.

Со мной связался личный юрист Сергея и пригласил в нотариальную контору, где завтра нотариус вскроет конверт и огласит закрытое завещание мужа. Я объяснила, что мне там делать нечего, так как не упомянута в завещании, но юрист на моём присутствии настоял.

Из его слов я поняла, что пригласили, конечно, не только меня, но и других членов семьи. Вскрытие конверта, прилюдное чтение завещания, и не тогда, когда наследники сами явились к нотариусу, а в строго назначенное время, разве в нашей стране так принято?

— Марк?! — крикнула я и поторопилась поделиться с ним новостями.

Спустившись по лестнице, не обнаружила парня на первом этаже, но выглянув в окно, увидела его возле машины с раскрытым багажником. Он с задумчивым видом ковырял носком ботинка утоптаный снег и разговаривал по телефону.

— Тут такое странное дело... — сказала я, как только Марк вернулся в дом.

— Тебя позвали к нотариусу, — закончил он за меня.

— Да, — удивилась я. — Откуда ты знаешь?

— Мне тоже звонил юрист дяди. И мне показалось странным, что он как бы между делом, но настойчиво всё о тебе спрашивал. Тогда я связался с его помощницей, Юлька — девчонка молодая, у нас с ней... ну, в общем, неважно... Так вот, по поводу завещания она, конечно, не в курсе, но список приглашённых к нотариусу по секрету шепнула. Буду я, Марго, ты, а ещё, и это самое непонятное — Дёмин.

Пока мы с Марком добирались до новой квартиры, всю дорогу ломали головы, какое отношение Дёмин может иметь к завещанию, ну и, конечно, зачем позвали меня? Но даже самой захудаленькой теории придумать так и не смогли.

Сергей давно написал завещание, с тех пор его не менял и из своей воли тайну не делал. Большая часть имущества – Марку, кое-что – Марго, другие фигуранты отсутствуют.

На следующий день в нотариальную контору я приехала с опозданием в пять минут, причём задержалась намеренно. Потому что если бы явилась с запасом, то, не дай бог, пришлось бы ждать начала в одной комнате с Дёминым. На похоронах он держался прилично, значит, теперь в нём накопилась и ждёт своего часа тройная доза оскорблений и хамства, припасённая специально для меня. На что только не пойдёшь, даже заставишь людей себя ждать, лишь бы гадкая зловонная желчь и дальше бултыхалась во Владе. Может, он сам отравится ею или же захлебнётся.

Приветливая девушка - секретарь встретила меня у входа и проводила в зал для совещаний, где уже все собрались.

В довольно просторном помещении в углу за небольшим письменным столом в кресле скучал незнакомый, солидный, седой и очень полный мужчина. В центре комнаты за длинным столом, наклонившись друг к другу, с озадаченными лицами шептались Марк и Марго. Мой самый «любимый» персонаж, Дёмин, сидел от них на расстоянии нескольких стульев и слегка покачивая ногой, закинутой на другую, что-то сосредоточенно читал в телефоне.

— Полина Алексеевна! — воскликнул мужчина, вошедший в зал почти сразу после меня, но через другую дверь. — Мы только вас и ждём.

Незнакомец в углу никак не отреагировал на моё появление, очки у него затемнённые, глаз не видно, возможно, он вообще спит. Марк сразу посмотрел на меня, заулыбался и приветственно помахал. Марго недовольно покосилась и едва заметно кивнула. Зато Влад не поленился, полностью обернулся ко мне, потом вовсе встал и двинулся в мою сторону, для чего уж не знаю, но обратившийся ко мне мужчина, обогнал его и первым ко мне подскочил.

— Добрый день, я личный юрист вашего покойного супруга, Артём Петрович, — представился он и, подхватив меня под локоть, повёл вглубь зала.

Когда мы проходили мимо Дёмина, он уставился на нас с такой ненавистью, будто насылал самую страшную порчу, причём на обоих. Я же старательно притворялась, словно в упор его не замечаю и смотрела исключительно на юриста, чтобы наши взгляды с Владом ни в коем случае не пересеклись.

Артём Петрович был подозрительно услужлив со мной. И пальто помог снять, и пообещал после его самолично пристроить на вешалку, и отодвинул стул, и поинтересовался, не желаю ли я чего: воды, кофе, чай...

Вся эта ситуация меня напрягает. Всегда нервничаю, когда чувствую подвох, но не понимаю, в чём он заключается. Марк и Марго притихли, мне кажется, они тоже обеспокоены поведением юриста. Как реагирует Дёмин, не вижу, но на него и не нужно смотреть, чтобы точно знать — злыдень взбешён.

Когда я, отказавшись от напитков, присела, Марк обратился к юристу:

— Все в сборе, может, приступим?

— Да-да, конечно, сейчас начнём, но вам, Полине Алексеевне и Маргарите Леонидовне, придётся ещё несколько минут подождать. Согласно воле завещателя, сначала мы должны решить вопрос с Владиславом Викторовичем.

Дёмин, юрист и незнакомец, которого Марк называл нотариусом, заняли стол в углу и тихо беседовали, так что до нас не доносилось ни слова.

Марго с Марком сидят спиной к таинственному столу. И хоть оба сгорают от любопытства, всё равно не оборачиваются, потому что вроде как неприлично. Моё же расположение в этом смысле гораздо удачнее, Дёмин, юрист и нотариус у меня как на ладони, и я то и дело на них поглядываю.

— И что там происходит? — наконец не выдержал Марк и спросил.

— Дёмину дали какой-то конверт, он его вскрыл, теперь читает, — шёпотом ответила я.

— Безобразия, — фыркнула Марго, причём намеренно громко, чтобы услышали все. — Нельзя было пригласить Влада пораньше, чтобы мы здесь в духоте просто так не сидели?

Бывшая жена моего мужа сначала нервно обмахнула лицо рукой, а потом полезла в сумку, но Марк быстро отреагировал и её остановил.

— Марго, мы же говорили об этом. Не надо. Ты мне обещала.

Женщина с великой обидой посмотрела на парня и хоть нехотя, но из сумки ничего не достала. Полагаю, она планировала взять фляжку. Беда. Между мной и Марго не самый маленький стол, но запах её пагубного пристрастия, отчётливо чувствую, его не смог перебить даже приторно-сладкий аромат её духов, про мешки под глазами и одутловатость лица и вовсе молчу. Нет, она ещё не скатилась на самое дно ямы под названием «алкогольная зависимость», как моя мать, но крайне бодрым шагом марширует именно в эту сторону. И как бы ни оберегал её Марк, по опыту знаю, результата не будет.

Как я ни умоляла маму, как ни уговаривала, а сколько раз, пока она спала в беспамятстве, выливали остатки спиртного, которые она не успела допить, ничего не помогало. Запасы пополнялись, даже когда в доме не было денег на хлеб, а мои слова и её обещания забывались, как только к ней приходили дружки. Мне кажется, спасти маму могла только она сама, если бы у неё появилось огромное желание вновь начать жить.

— Ну что там? — снова спросил Марк.

— Всё ещё читает, — отозвалась я.

И тут Дёмин наклонился к столу, словно текст стал в два раза мельче, а потом резко впился в меня взглядом, да таким ядовитым, что я невольно дёрнулась назад, до упора вжавшись в спинку стула.

— А сейчас? — не унимался племянник мужа.

Лишь на секунду я перевела взгляд на Марка, а когда вновь посмотрела на Дёмина, он уже отвернулся.

— Сейчас Влад что-то пишет или, скорее, подписывает, — озвучила я картину перед собой.

— Не нравится мне это всё, — процедила сквозь зубы Марго, повернувшись к Марку. — Дёмина здесь и быть не должно, а он что-то подписывает.

Парень в знак поддержки положил руку на ладонь женщины, слегка сжал и тихо сказал: — Что бы там ни было, скоро всё узнаем.

— Встают, — сообщила я, наблюдая, как чем-то сильно озадаченный Влад и вполне себе довольные остальные мужчины поднялись с кресел.

Нотариус занял главенствующее место за столом рядом с нашей компашкой, Артём Петрович тенью застыл у него за спиной, Дёмин же, погружённый в какие-то мрачные мысли, настолько, что даже не удостаивал меня своими фирменными злобными взглядами, расположился поодаль от всех на пустующей половине стола.

Откашлявшись, нотариус приступил к оглашению последней воли Сергея. Сначала, как и полагается, прозвучала вступительная, шаблонная часть, а затем он торжественно объявил имя первого наследника – Марка. Зачитав его паспортные данные, прописку и степень родства, нотариус озвучил причитающуюся Марку сумму, и у нашей несведущей троицы непроизвольно раскрылись рты и полезли на лоб глаза. Нет, цифра внушительная, но в сравнении со всем остальным наследством, её иначе как мизерной не назовёшь.

Я никогда не видела Марка таким ошеломлённым. И его можно понять: долгие годы он считал себя наследником огромного состояния, жил с этой мыслью, ничем серьёзным не занимался и не строил карьеру, а теперь... Теперь этого состояния у него нет. Заметив на себе взгляды всех присутствующих, парень попытался выдавить улыбку, но лучше бы он этого не делал – получилась лишь жалкая, кривая гримаса, перекосившая лицо.

— Видимо, дядя переписал завещание, — нервно дёрнув плечами, выдохнул Марк, сиюсь спрятать разочарование, но столь сильную эмоцию скрыть невозможно. Она сквозила в каждом его жесте и интонации.

— Читайте дальше, — потребовала Марго, с лихорадочно бегающими глазами от волнения и вцепившись побелевшими пальцами в столешницу, словно в спасательный круг.

Далее нотариус назвал имя Марго, все её данные, после чего прозвучала сумма, которая достанется ей. Цифра оказалась ещё меньше, чем у Марка, причём в разы.

— Всё, — женщина вскочила из-за стола настолько резко, что стул позади неё зашатался и чуть не рухнул на пол. — Это какая-то афера! — завопила она, обрушивая кулаки на стол. — Я засужу всю вашу шайку! Мой муж чётко и ясно говорил, кому и сколько достанется. Так что...

— Марго, прекрати, — Марк тоже поднялся и попытался уговорить разбушевавшуюся женщину. — Завещание до конца ещё не дочитали. Тебе нужно успокоиться и сесть. Может быть, речь идёт о единовременных выплатах, а остальное имущество дядя оставил... ну, не знаю, с определёнными условиями или с отсроченным сроком получения.

Слова парня возымели эффект, Марго сразу притихла и, тяжело дыша, заняла своё место.

— Всё остальное моё имущество, — продолжил нотариус, — какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чём бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, я завещаю Сабитовой Полине Алексеевне...

Марк от шока оцепенел и даже не пытался больше скрыть своё потрясение. Марго же, запрокинув голову, громко и истерично расхохоталась, заглушая слова нотариуса и не позволяя ему читать дальше.

— Ах ты тварь! — резко оборвав смех, выкрикнула женщина и, перегнувшись через стол, потянулась ко мне руками, словно собиралась задушить. — Всё тихушничала, корчила из себя невинную овечку, а дело-то своё сделала! Хорошенько промыла мозги этому старому дураку... Я тебе сейчас покажу!

Смотрю на Марго и не верю глазам. Она в такой ярости, что уже взобралась одним коленом на стол, чтобы до меня дотянуться. Когда же женщина закинула на стол и второе колено, я от греха подальше встала. Если Марго накинется, обороняться стоя в любом случае удобнее, чем сидя на стуле.

К счастью, до рукоприкладства дело не дошло. Бывшая жена Серёжи вдруг низко склонила голову, замерла и, стоя на столе на карачках, горько запричитала сквозь слёзы:

— На что мне теперь жить? Жилья своего нет. Дохода тоже. Сколько лет не работала — профессию профукала. Мне теперь разве что клизмы доверят ставить. Хоть тоже, как этот предатель, в могилу ложись. Эх, Серёжа-Серёжа, ну и сволочь же ты...

— Марго, а о какой сумме шла речь в первоначальной завещании? — спросила я, потому что смотреть на женщину в таком униженном и подавленном состоянии больше не было сил.

Марго вскинула голову, вонзилась в меня взглядом и даже не назвала, а именно выплюнула цифру.

Ого, да на такие деньги не то что одна Марго, а целая семья долгие годы могла бы жить в полном достатке, ни в чём себе не отказывая.

— А что? С какой целью спросила? Позлорадствовать?! — неуклюже пятясь назад и сползая со стола обратно на пол, выпалила Марго.

Я колебалась, надо ли говорить сейчас, возможно, стоит дать себе время хорошо всё обдумать, но тем не менее произнесла:

— Я рассматриваю вариант возместить тебе недостающие деньги.

Марго вмиг преобразилась, вся подобралась и вытянулась в струну.

— А почему только рассматриваешь? Ты обязана их возместить? Сергей мне обещал, а слово не сдержал. Сдержи за него ты, если не хочешь, чтобы он там мучился, — Марго ткнула пальцем в потолок. — И с Марком ты должна поделиться. Он, в конце концов, его родная кровь.

Перевела взгляд на Марка – он явно не был бы против.

— Мы обсудим этот вопрос позже, наедине, — пообещала я парню, вспомнив, как ещё вчера он, без всяких сомнений, с лёгкостью предложил мне свой дом в вечное пользование.

— Полина, ты ничего и ни с кем не станешь обсуждать, как и возмещать деньги Марго! — безапелляционно заявил Дёмин.

Глава 8

— Это ты так решил? — фыркнула Марго, не отрывая враждебного взгляда от Влада. — С какой стати? Не много ли на себя берёшь?!

— Если бы ты тут не верещала, как резаная, не устраивала концерт, ползая по столу, а дала дочитать завещание, то и вопросов бы не возникло, — протянул Дёмин со свойственным ему превосходством над всеми и вся. — Сергей возложил на меня обязанность блюсти интересы Полины и дал все полномочия полностью контролировать полученное ею наследство. Это не было простым решением, но я согласился, — Влад бросил взгляд на стол в углу, за которым он совещался с нотариусом и юристом, давая понять, что его поставили перед фактом и почти не дали времени на размышления. — И я подойду к этому вопросу максимально ответственно. Делиться наследством с тобой, Марго, или с Марком – не в интересах Полины, значит, я этого не допущу. Без моего одобрения Полина не может снять со счёта даже символическую сумму, так что не бегайте к ней и не кланчите.

В голове и так царил хаос: муж, вместо ближайшего родственника, Марка, сделал наследницей меня, а новость о том, что он вдобавок назначил именно Дёмину меня опекать, и вовсе добила. Быть накрепко связанной с Владом большими деньгами – последнее, чего я хотела.

— А если Полина откажется от наследства, в этом случае оно будет распределено между мной и Марго? — спросил Марк у нотариуса, затем, словно извиняясь, повернулся ко мне и пояснил. — Я ни в коем случае не прошу тебя отказываться, просто хочу уточнить все детали.

Нотариус только открыл рот, чтобы ответить, как Дёмин перехватил инициативу, стремительно поднявшись и приблизившись ко мне.

— Если Полина откажется от наследства, её доля будет передана нескольким благотворительным фондам, — эту часть фразы Влад произнёс громко, чтобы все слышали, а следующую – почти шёпотом, мне на ухо. — Только заикнись об отказе, и ты тут же попадёшь в список пропавших без вести. Я не позволю пустить с молотка половину моей компании.

— Марк, мы должны подать в суд! — с надрывом выкрикнула Марго. — Нас обокрали! Не удивлюсь, если они в сговоре, — женщина ткнула пальцем в меня и Влада. — Ваша парочка всегда казалась мне подозрительной. Когда вы смотрите друг на друга, аж искры летят! Между вами определён что-то есть. Вы любовники! Молодая жена и деловой партнёр – идеальный союз, чтобы обвести вокруг пальца доверчивого Сергея. Одна нашёптывала в постели, лёжа рядом на подушке, другой обхаживал в кабинете.

— Маргарита Леонидовна, подача иска – ваше законное право, — вмешался в разгорающийся скандал Артём Петрович. — Однако, во-первых, ваше заявление, скорее всего, отклонят ввиду необоснованности обвинений. А во-вторых, не забывайте, злоупотребление правом и ложный донос – деяния наказуемые.

— А ты, пронырливая морда, лучше помалкивай, наверняка имеешь свой процент с этой аферы, — прошипела Марго на юриста, а затем обрушила свой гнев на меня, завопив. — Это ты, тварь, всеми манипулируешь! — женщину аж колотило от ненависти. Марго лихорадочно оглядывалась, будто что-то выискивая... и только потом я поняла, что она ищет, когда, не найдя ничего более опасного, она схватила со стола бутылку и запустила в меня.

Судя по траектории, несмотря на похмелье, Марго бросила на удивление метко, бутылка летела прямёхонько мне в лоб. Всё происходило настолько спонтанно и быстро, что я не успела отреагировать и просто стояла. Быть бы на моём лбу шишке, если бы Дёмин одним резким движением и буквально в последний момент не задвинул меня себе за спину. После чего снаряд Марго угодил всего лишь в стену.

Странный этот Дёмин... минуту назад обещал включить меня в список пропавших, и тут же, действуя явно на инстинктах, пусть от малой угрозы, но уберёт. Видимо, даже подсознательно он защищает своё право прибить меня лично.

— Вызвать охрану, чтобы проводили Маргариту Леонидовну до двери? — спросил Артём Петрович, причём не у нотариуса, что было бы логично, ведь он глава нотариальной конторы, а у Дёмина, который здесь всего лишь фигурант, но, как и всегда, всё решает именно он.

— Сейчас выясним, — ответил Влад, строго взглянув на Марго. — Как ты предпочитаешь покинуть помещение, сама, сохранив остатки достоинства, или силой?

Ноги Марго широко расставлены, кулаки воинственно упёрты в бока, глаза гневно сверкают, судя по всему, она бы выбрала «силой», но Марк, думая о её же благе, решил иначе.

— Мы с Марго уходим, — отрезал парень, взял женщину за локоть, а когда она резко выдернула руку, зашипел на неё. — Уходим, я сказал!

С трудом, но Марк уволок упирающуюся Марго к вешалке, где чуть ли не силой одел её, после чего они вместе ушли.

— Полина Алексеевна, вот ваш комплект документов, — обратился ко мне нотариус, протягивая толстую синюю папку. — Завещание я не дочитал, но здесь вся необходимая информация. Если у вас возникнут вопросы, звоните Артёму Петровичу, он вас проконсультирует. А когда решите оформить наследство, запишитесь ко мне на приём. В папке есть список с нужными адресами и телефонами.

— Спасибо, — поблагодарила я и поспешила уйти, потому что Артём Петрович и нотариус уже живо собирали со стола свои вещи, а оставаться с Дёминым наедине мне совсем не улыбалось.

— Ты ведь знала, что Сергей всё оставил тебе? — прозвучал вопрос, как только за юристами закрылась дверь, а я, к сожалению, даже пальто не успела надеть.

Нет ничего проще, чем послать Дёмина ко всем чертям и, не сказав ему больше ни слова, уйти. Но проблема в том, что просто – не всегда правильно.

Как заявлял сам Влад, я у него под прицелом, и теперь у него есть то, чего ему так не хватало для вынесения мне приговора — мотив. Если я наследница, значит, он у меня есть. И хоть оправдаться перед Дёминым – это из области фантастики, я должна хотя бы попробовать.

Крайне неохотно повесила пальто обратно на вешалку и подошла к Владу, чтобы видел мои глаза. Да, он меня ненавидит и уже решил, что Серёжу убила я, но ведь он далеко не дурак, должен разбираться в людях и видеть, лгут они ему или нет.

— Нет, я не знала. Так же, как ты и Марк, — сказала я, а заметив на лице Дёмина саркастическую усмешку, добавила. — Ну давай, начинай сочинять свои излюбленные теории заговора. Может быть, я соблазнила Артёма Петровича, чтобы быть в курсе всех юридических дел мужа? Или, нет, затащила в постель сразу нотариуса, чтобы уж точно получать всю информацию из первых уст? А лучше сразу обоих, чтобы наверняка. Почему ты улыбаешься? Теории как раз в твоём стиле, не лучше, но и не хуже.

— Тебе мог сказать сам Сергей, — заявил Дёмин, слегка наклонив голову набок.

Прикрыв глаза, мысленно матерюсь. Нет, никогда мне не достучаться до этого броневой ногой барана.

— Хорошо. Давай предположим, я та, за кого ты меня принимаешь — изворотливая алчная змея-жена, которая только и ждёт, как бы избавиться от мужа, чтобы заграбастать все его деньги. И вот случилось чудо, я стала наследницей, об этом мне муж сам сказал, но ведь вместе с этим он бы и про твой контроль наверняка упомянул. Дура я, что ли, набитая соглашаться на такие кабальные условия? Неужели бы я не подождала и не нашла способа измазать тебя в грязи перед Серёжей, чтобы ты исчез из завещания?

Уловив во взгляде Дёмина некое подобие сомнений, я поспешила закрепить достигнутый результат.

— Сам посуди. Я ведь теперь богатая наследница только в теории, а на деле... цитирую тебя: «Полина не может снять со счёта даже символическую сумму». Охренеть, как много я получила от смерти Сергея! Абсолютный ноль называется.

— Про символическую сумму это я так сказал, чтобы к тебе Марго с Марком не вязались, — прорычал Дёмин, отвернувшись в сторону. — Если именно на себя и в разумных пределах трать сколько нужно.

— Ну да, — зло рассмеялась я. — Только прежде, надо будет сходить к тебе на поклон, часов десять подождать аудиенции, потом на пузе подползть к Его Величеству, заикаясь и бледнея объяснять, для чего и зачем оно мне надо? Вот ты от процесса-то кайфанёшь.

— Ты считаешь меня совсем уж монстром?! — взревел Дёмин, наступая на меня.

— Конечно, нет! — заверила я, невинно хлопая ресницами. — Любой монстр по сравнению с тобой – пушистый зайчик. Ты гораздо более... злобная сущность. И вездесущая! После похорон я думала, что больше никогда не увижу Дёмина Владислава Викторовича. И что? Вот он – передо мной! Опять!

— Думаешь, я горю желанием с тобой встречаться? — ещё сильнее вскипел он. — Ты хоть представляешь, до какой степени я наступил себе на горло, согласившись блюсти твои интересы? И заметь, я уже это делаю! В душе мне хотелось тебя удавить, но вместо этого я оттащил от тебя эту пиявку Марго.

— Раз уж тебе это настолько в тягость, не нужно было соглашаться, — заметила я.

— Отказать другу в последней просьбе? Нет, это не вариант. Но я могу снять с себя это бремя, если докажу, что ты убила мужа. Тогда по закону ты станешь недостойной наследницей, и имущество Сергея перейдёт Марку. И твои интересы мне больше не придётся защищать.

— Марку? А почему не благотворительным фондам? Ты же говорил, если я откажусь...

— Вот именно, если сама откажешься, а если признают недостойной наследницей, то твоя доля перейдёт Марку.

— И что, мы теперь связаны, пока из нас кто-то не помрёт? — спросила я устало.

Если Дёмина, судя по всему, скандалы бодрят, то из меня вытягивают последние силы.

— Нет. Я должен опекать тебя, пока тебе не исполнится тридцать пять лет или пока ты не родишь, и ребёнок не достигнет семи лет.

— То есть – вечность. Минута рядом с тобой равна году, причём в аду. А что будет, если ты, например, погибнешь? — Дёмин удивлённо на меня посмотрел, а я лишь пожала плечами. — Всякое бывает. Все мы под Богом ходим.

— Точно не знаю. Может, я какой-то пункт и пропустил, но мне кажется, что этот вариант Сергей не предусмотрел. Полина, ты собираешься ещё раз выпачкать руки в крови? — поинтересовался Влад без намёка на страх, скорее – с лукавой усмешкой. И подошёл так близко, что наши тела едва не соприкаснулись.

— Чтобы выпачкать второй раз, их сначала надо выпачкать в первый, — отозвалась я. — И хотя насилие в любых проявлениях – это вообще не моё, для тебя я бы сделала исключение. Даже не представляешь, сколько раз я фантазировала, как колочу тебя по голове железной палкой или загоняю иголки под ногти. Кстати, ты при этом плакал и визжал.

— Мы не договорили, — сказал Дёмин, когда я направилась к выходу, и попытался схватить за руку. Но я изучила его достаточно хорошо и, предвидя этот манёвр, успешно увернулась.

— Поговорим позже. Я устала.

— Когда? — уточнил он, но хоть догонять не побежал. Уже прогресс.

— Когда пропью курс успокоительных и буду морально готова. В общем, я тебе напишу.

Глава 9

Три дня я мариновалась в собственном соку, лишь однажды выходила из дома буквально на пять минут – гуляла до соседнего подъезда в аптеку. Состояние у меня – и Дёмину не пожелаешь. Тоска по Серёже душит, что сил уже никаких нет. Просыпаюсь с желанием разреветься, с ним же чищу зубы, принимаю душ, заставляю себя проглотить чашку кофе, с ним же отдраивала каждый угол новой квартиры, хотя хозяйка и уверяла, что здесь всё сияет после генерального клининга.

Худо-бедно, но начала заниматься делами салона. Правда, не по своей воле, налоговой ведь плевать, что у тебя на душе или в жизни. Если шевелишься и не мёртв, будь добр, сдать отчёты и оплатить налоги в строго установленный срок или жди требований с пенями и штрафами. В сам салон пока не ездила, Марина, которую оставила за себя, умница и трудяга – справляется хорошо.

Дёмин названивал несколько раз, но я не брала трубку. Потом переживала, как бы не заявился. Но в этом и прелесть квартиры в сравнении с домом – если кто-то звонит или стучит в дверь, просто затаись и не спрашивай: «Кто там?» и тебя вроде как нет. К тому же непрошеным гостям в квартиру сложнее попасть, одна входная дверь и окна высоко, а если кто шумит на площадке, соседи определённого плана, тут как тут уже бдят у глазка и номер полиции у них на быстром наборе.

Сегодня пусть с великой неохотой и скрипом, но решила возобновить тренировки. Спортом мои простые упражнения, язык не повернётся назвать, и тем не менее после них не только тело в порядке, но и голова разгружается. Хорош мне уже глотать горстями таблетки для успокоения – Сергей бы этого не одобрил.

Только влезла в лосины с майкой и расстелила на полу коврик, как мне позвонила Марина, а это означало одно — в салоне возникла проблема. По пустякам она бы не стала меня беспокоить.

— Полина, тут такое дело... Сегодня ночью кто-то исписал весь фасад и дверь салона надписями, — сообщила она, после дежурных приветствий и вежливых вопросов, как я держусь.

— Граффити нарисовали? — предположила я.

— Если бы, — с тяжёлым вздохом произнесла девушка. — Написали... Надписей много, но смысл их в том, что хозяйка этого салона убила мужа.

— О господи, — я так ошалела, что чуть не выронила телефон.

— Сейчас приеду, — пообещала я, с чувством, будто мне плюнули в лицо. — Марина, Марина, — позвала я её, пока она не сбросила вызов. — Сфотографируй, пожалуйста, фасад и дверь, так, чтобы цвета передавались как можно точнее. Заскачу в магазин, куплю краску.

Собралась буквально за десять минут, по магазину с тележкой носилась, пока ехала, чувствовала во всём теле нервную дрожь, но по-настоящему меня затрясло уже у салона, когда я увидела и прочитала эти гнусные надписи.

Не знаю, кто и зачем всё это накарябал, но желаемую реакцию он от меня получил. Сказать, что мне погано и мерзко – почти ничего не сказать.

Зайдя в салон, с облегчением отметила, что клиентов вроде бы надписи не смутили. Все кресла заняты. Но опять же, это не показатель – люди заранее записались, настроились на услугу, выкроили время прийти. Запишутся ли они к нам снова – вот в чём вопрос.

Коллектив в салоне подобрался отличный. Девчонки встретили меня тепло и с улыбками, хотя особо поговорить не получилось: все работали. Пообщаться удалось только с Мариной, она как раз с клиенткой закончила.

— Как люди на надписи реагируют? — тихо спросила я, отведя её в сторону.

— Да никак. Большинство их вообще не замечает. А тем, кто заметил, мы говорим, что, скорее всего, подростки напакостили. Лишь одна женщина сильно интересовалась, что да как, но мы все дружно пожимали плечами, мол, сами без понятия, кто и почему написал.

Думала, сама покрашу стены и дверь, даже захватила с собой одежду, которую не жалко. Но моя палочка-выручалочка Марина, оказывается, уже договорилась со своей знакомой – моляром, что она нам сегодня же всё замажет.

Когда я уже собралась уезжать, Марина опять отвела меня в укромное место и, явно сомневаясь и смущаясь, достала телефон.

— Не знаю, надо ли тебе показывать, но скрывать тоже как-то неправильно. Смотри, на какой пост сегодня наша Алёнка наткнулась, пока пила чай между клиентками.

Марина развернула ко мне экран телефона, а я, отвернувшись в сторону, прикрыла глаза, предчувствуя, что ничего хорошего не увижу. Наверняка там ещё большая мерзость, чем на фасаде.

Предчувствия не подвели.

Кто-то взял мою фотографию и как следует над ней поизгалялся в редакторе. Мне накачали огромную грудь, такую же попу, губы превратили в два вареника и подрисовали яркий стервозный макияж. Позади меня на заднем фоне скалился сгенерированный нейросетью чёрный паук, относящийся, так полагаю, к виду «Чёрная вдова». Ну и текст под фото был соответствующий – он изобиловал выдуманными фактами и утверждал, что я хладнокровно убила своего мужа.

— Полина, я и девчонки, да вообще все, кто тебя знает, понимают, что это полный бред, — заверила Марина, со злостью стуча по экрану ногтем. — Но другие люди-то нет! Как читаются... Придурков же полным-полно. Общественное мнение – штука опасная. В общем, я считаю, с этим надо что-то делать. Алёнка уже пожаловалась на пост, но, может, ещё написать в техподдержку соцсети, чтобы они заблокировали автора за распространение клеветы?

— Общественное мнение, — задумчиво повторила я и спросила у Марины. — Это же у тебя скрин? Скинь мне его, пожалуйста. Бесплезно жаловаться на автора. Техподдержка заблокирует его, и уже через минуту другой пользователь с другого аккаунта выложит то же самое. Я знаю, кто это распространяет и для чего. И мало этой скотине не покажется.

— Гавнюк, — вырвалось у меня ругательство. И адресовалось оно не водителю, который меня по-свински подрезал, а Дёмину.

Именно он, вернее, по его приказу распространяют посты. Влад спит и видит, как я сижу за решёткой и сквозь слёзы грызу сухари. Но нехороший и упрямый следователь ни в какую не обвиняет меня в отравлении мужа. Уверена, Дёмин из кожи вон лез, пытаясь на него надавить, да не вышло. Вот он и состряпал эти посты, чтобы вызвать общественный резонанс.

Если народ подхватит идею и начнёт требовать «справедливости», то рано или поздно следователь получит прямой приказ сверху – внимательно рассмотреть версию, где я выступаю убийцей. А где версия там и обвинения, а где обвинения там и до приговора недалеко.

Каждую секунду посты попадают кому-то в ленте, люди их смотрят, комментируют, лайкают. Я так торопилась к Дёмину, чтобы всё это прекратил, что впервые в жизни припарковалась к другой машине впритык. Выехать, конечно, всё равно можно, но придётся корячиться.

Взлетев по крыльцу здания фирмы, пулей проскочила мимо охраны. Никто даже не подумал меня остановить. Значит, всё-таки знают в лицо, хоть и бываю здесь редко.

В лифте на меня поглядывали с любопытством, а некоторым было совсем невтерпёж поделиться впечатлениями, и они перешёптывались. В другой раз у меня бы это вызвало дискомфорт, но сейчас у меня одна цель – вытрясти душу из Дёмина. На остальное плевать.

Включив режим бронепоезда, я уверенно и на полной скорости рассекала коридор верхнего этажа, когда из двери справа вышел Марк. Заметив меня, он удивлённо и радостно воскликнул:

— Полина?! Вот так сюрприз. Ты ко мне?

Он преградил мне путь, явно намереваясь поговорить. Но я, не сбавляя шаг, обогнула его и бросила на ходу:

— Прости, Марк, не до тебя сейчас. Увидимся позже. Кстати, — обернулась я, уже отдалившись от него на несколько метров, — Эта козлячья морда Дёмин всё ещё сидит в своём старом кабинете, не переехал?

Если Марк, после моей реплики, пусть сдавленно и в кулак, но рассмеялся, то остальные сотрудники в коридоре вздрогнули, все как один замерли и уставились на меня со священным ужасом в глазах.

Прилюдно оскорбила Влада, сделала ему гадость и сразу на душе похорошело. Надеюсь, прозвище «Козлячья морда» приклеится к нему намертво, и он заслуженно проживёт с ним до конца своих дней.

— В том же. Не переехал, — весело ответил Марк. — Но, насколько я знаю, он сейчас занят.

— Ничего, быстро освободится, — подмигнула я парню и двинулась дальше.

Секретарь Дёмина, миловидная куколка, сначала задавала мне вопросы, а когда сообразила, куда я рвусь, попыталась не пустить меня к боссу. Ну как пыталась... Встала из-за стола и, размахивая руками и мотая головой, повторяла, как заведённая: «Он занят, он занят! К Владиславу Викторовичу нельзя!».

Игнорируя девушку, я толкнула дверь кабинета. А ведь была мысль, для более эффектного появления, открыть её с ноги. Но вовремя одумалась. Вдруг бы я пнула, а дверь из-за тугого язычка не поддавалась. Или я больно ударилась бы ногой. Или дверь резко открылась и так же стремительно отприкошетила обратно мне по лбу.

В кабинете стояла оживлённая рабочая обстановка. Дёмин и несколько мужчин по обе руки от него сидели за длинным столом и что-то горячо обсуждали.

Надо же, а Влад оказывается, сидит в самом обычном кресле, пусть и дорогом. Где его трон? Пылится в кладовке? Он его бережёт и выкатывает только по праздникам?

— Отпусти людей, у меня срочный разговор, — потребовала я с порога, почти крича, ведь увлечённые беседой мужчины даже не заметили моего появления.

Ну вот, громкий голос привлёк их внимание.

Дёмин смотрит недовольно, остальные – кто как... Одни удивлены, другие возмущены, но есть и те, кто улыбается.

— Хорошо. Присядь, — Влад кивнул на диван у окна. — Я освобожусь через десять минут. Что тебе предложить, кофе, чай, воду...?

Надо же, какие мы сегодня гостеприимные. За дверь не погнался, милостиво позволил остаться и предложил кофе.

В другой раз я бы не стала накалять обстановку. Десять минут – пустяк. Но все эти десять минут людям будут показывать пост, где на фотографии я выгляжу, как шлю... женщина с низкой социальной ответственностью, и написано, что я отравила мужа.

Нет, садиться на диван – не вариант. Если собираюсь шантажом заставить Дёмина удалить все посты, но при этом выполнение угрозы ударит не только по нему, но и по мне, я должна доказать, что готова на всё, даже на самые крайние меры.

— Я же сказала, разговор срочный, — напомнила я, уверенно проходя вглубь комнаты. — И начнём мы его прямо сейчас. Если тебя не смущают посторонние, я тоже не против, пусть остаются, — заявила я, подошла к столу и с силой оттолкнула стоявший свободный стул. Он с ветерком прокатился по комнате и с грохотом врезался в стену.

Судя по продольным морщинам на лбу и изумлённым глазам, Дёмин от меня в шоке. Раньше, если я с ним и огрызалась, то исключительно наедине и с осторожностью. А теперь...

а теперь я и сама от себя в шоке. Но ничего не поделаешь, если не хочу безвинно попасть за решётку, придётся переступить через себя.

— Все свободны, — прорычал Влад, глядя на меня строго и с плохо скрываемой угрозой. Казалось, будто он обещает, как только за последним сотрудником закроется дверь, сначала отлупить меня, а потом на трое суток поставить в угол, чтобы поразмыслила над своим поведением.

Подчинённым Дёмина понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя и ожить. После чего они в срочном порядке покидали в папки разложенные на столе документы и, с любопытством косясь на меня и на босса, гуськом покинули кабинет.

— Противоречивая ты девушка, — выдохнул Влад, когда мы остались наедине. — То упорно на мои звонки не отвечаешь, то, можно сказать, из глотки вырываешь у людей, — он оглядел пустующий ряд кресел, — моё внимание.

— Внимание? — фыркнула я. — Да оно мне уже снится в кошмарах. У меня его слишком много. Передоз. Видишь, как лихорадит? — я вытянула перед собой дрожащие руки. — Если немедленно, вот прямо сейчас не позвонишь умельцу, которого ты науськал посты про меня публиковать, я тебе устрою такой зомби-апокалипсис, что твои руки затрясутся не хуже моих.

— Мне очень интересно и местами даже страшно, жаль только, что ничего не понятно, — спокойно протянул Дёмин, а после во весь голос рявкнул. — Полина, какие посты, кого я науськал?! Что ты несёшь? Начала, как твоя мамаша, с утра прикладываться к бутылке?!

С трудом, но проглотила укол. Нельзя реагировать и показывать Дёмину, что любое упоминание о маме, для меня как удар под дых, моментально заставляет скорчиться и согнуться.

Стараясь придать лицу каменное выражение, подошла к Дёмину, нашла в сумке телефон, открыла галерею и положила его на стол перед ним.

— Скажешь, не твоих рук художества? — вода пальцем по экрану, быстро пролистала несколько фото с исписанным фасадом здания и одно с постом.

— Хм, — Влад издал непонятно что выражающий возглас, наклонился ближе к столу, и теперь уже сам, более медленно, начал просматривать каждое фото. Он увеличивал и читал надписи на стенах и двери, но особое внимание уделил скрину поста. — Не самое твоё удачное фото.

Сам же заказал глумление над моей фотографией, сам же теперь издевается. Схватить бы Дёмина за волосы и окутать, окутать, точнее, долбить и долбить его о столешницу, пока он своим носом не прорубит в столе дыру.

— Полина, это не я, — заявил он, отъезжая в кресле назад и поворачиваясь ко мне.

— Деградируешь, Влад, — брезгливо заметила я. — Раньше ты хотя бы от своих пакостей не отрещивался.

Дёмин закатил глаза и повторил медленнее:

— Это не я. Если бы мне надо было распространить информацию, я бы это сделал грамотно и эффективно, но никак не карикатурно. Паук какой-то, ты с сись... фотошопом. Тот, кто это делал, ни черта не понимает, как работает пропаганда. Он попытался поднять волну праведного народного гнева через отвращение к тебе, а надо было через сочувствие к Сергею.

Я иронично усмехнулась, давая понять, что даже самую малость ему не верю. На что он сокрушённо ударил ладонью по столу и заявил:

— Этот пост посмотрело без малого триста человек. Под моим бы постом было несколько сотен тысяч просмотров.

— Слушай, жить с таким раздутым эго даже неприлично. Ты же не оправдываешься, а поёшь себе хвалебную оду: «Я бы то, я бы сё!» А может, ты не такой умный, каким себя мнишь? И твой бездарный пост тому подтверждение?!

— Полина, на основании чего ты меня обвиняешь, у тебя есть доказательства моей причастности? — поинтересовался Дёмин.

— А я беру пример с тебя, — выкрикнула я. Не его корове мычать про доказательства. — На кого ткнула пальцем тот и виноват. Кроме тебя, больше нет человека, который до зуда мечтает меня упечь за решётку. В общем так, Влад. Мародёрство стен и двери салона, так уж и быть, я тебе прощаю. Их уже перекрашивают. Но посты ты удалишь. И удалишь прямо сейчас. Жду ровно минуту, а нет, уже через час я буду у нотариуса, через полтора напишу отказ от наследства, через два сообщу благотворительным фондам, что им неожиданно-негаданно прямо на голову рухнуло небо в алмазах. Люди там работают идейные, не в меру активные, завтра с утра придёшь на работу, а они уже здесь, пилят прибыль, делят имущество, в общем, растаскивают твою обожаемую компанию на кус...

Я не закончила.

Пока разглагольствовала о походе к нотариусу и об отказе от наследства, Дёмин, задумчиво потирая подбородок, смотрел в сторону, но, когда речь зашла о прибыли и делёжки имущества, он перевёл взгляд на меня. После чего мне резко перехотелось говорить, понадобилось сглотнуть, и я невольно попятилась.

Если меня отсюда вынесут не на носилках вперёд ногами, а я уйду сама, можно будет отмечать второй день рождения.

Дёмин, не отрывая от меня горящего взгляда, медленно поднялся из-за стола, приблизился и зловеще навис надо мной с высоты своего роста.

Ещё минуту назад надписи и гнусный пост казались мне концом света. Теперь же, в сравнении с разъярённым до тихого бешенства, мужчиной, они превратились в ничтожный пустяк.

И что обиднее всего — я даже позорно сбежать не могу. Нет возможности. Когда Влад подходил, я отступала, пока спиной не наткнулась не просто на стену, а в самый угол. Теперь справа — стена, слева — тоже, а впереди — тяжело дышащий и явно готовый убивать с особой жестокостью Дёмин.

— Ты сейчас, дрянь, — прошипел он тихо, и этот шёпот был страшнее любого крика. — Угрожала отдать на распил не только мою компанию. Ты замахнулась на дело всей жизни Сергея, которое он строил кирпич за кирпичом долгие годы. И это дело, в обход кровному родственнику, он завещал тебе. Чтобы ты сберегла и продолжила.

Борюсь одновременно с двумя желаниями. Первое – оттолкнуть от себя Дёмина, ведь он уже не просто нависает, а вжимает меня в угол всем телом, но я боюсь разозлить его этим ещё сильнее и спровоцировать уже на открытое нападение. Второе – силюсь не провалиться сквозь землю от стыда. Говоря об отказе от наследства, я блефовала на все сто процентов, и не должна чувствовать угрызения совести, тем более перед Владом. Какая разница, что он обо мне думает? И тем не менее щёки горят, а на душе погано, значит, разница для меня всё-таки есть.

— Я знаю, что для Серёжи значила компания, — выдохнула я, глядя не в глаза, а куда-то в область его плеча. Но дальше говорить он мне не позволил.

— Тогда что мелит твой язык? — рыкнул он и, обхватив своей ручищей мой подбородок, заставил на него посмотреть.

— Я всего лишь блефовала, — призналась я, всё-таки предприняв безуспешную попытку вырваться. То, как мы стоим, и насколько близки наши тела с лицами, выходят за любые, даже за самые вольные грани приличия. Если сейчас в кабинет кто-то войдёт, подумает чёрт знает что. Да и это не главное, совсем недавно я похоронила любимого мужа, а этот..., этот, можно сказать, меня лапает. Нет, он, конечно, не хватает меня руками за разные места, но каждый раз, когда вдыхает, его грудь таранит мою, я чувствую тепло его тела и улавливаю лёгкий запах кофе, который он пил не так давно. — Я всего лишь хотела, чтобы ты прекратил распространять посты, вот и припугнула. Ведь другого рычага давления у меня на тебя нет. Слушай, может, ты уже отойдёшь? Мне дышать нечем.

Дёмин благополучно проигнорировал моё требование и даже на миллиметр не отодвинулся.

— Любопытная вырисовывается картина, — усмехнулся мужчина. — На оглашении завещания ты узнала, что у тебя есть чем надавить на меня, и уже через три дня этим воспользовалась. Я же до сих пор ни до чего подобного не опустился. Над делом работает прежний следователь, хоть мне и известно, что он полностью на твоей стороне. Я не устроил тебе несчастный случай и не подставил. Знаешь, как легко подкинуть человеку пакетик и обеспечить ему восемь лет строгача? Наоборот, пусть через скрип, но я взял на себя обязательства блюсти твои интересы. При этом ты каждый раз подчёркиваешь, какая ты святоша, а я страдаю острой формой моральной нечистоплотности. Полина, поздравляю, ты лицемерка.

— А ты мастер переворачивать всё с ног на голову, — буркнула я в ответ, упёрлась ладонями в его грудь и изо всех сил надавила. Толку — ноль. С таким же успехом можно выйти на улицу, навалиться плечом на фасад здания и попробовать его сдвинуть. — Ты своими постами загнал меня в угол! Я была вынуждена обороняться.

— Это не я. Сколько раз мне ещё повторить, чтобы запомнила? К тому же эти посты вредят не только тебе, но и репутации компании. Ведь скоро твоё имя появится в списке владельцев. Если бы ты пришла ко мне и просто попросила их удалить, я бы помог.

— Хорошо, — быстро сориентировалась я. — Прошу. Удали посты.

— Когда просят, говорят «пожалуйста», — с издёвкой напомнил Дёмин.

— Пожалуйста, удали посты, — произнесла я, вкладывая в вежливое слово убийственный сарказм. — И пожалуйста, отойди. У меня от твоего веса уже рёбра трещат.

— Удалю. Но с условием.

Глава 10

Забравшись в салон машины и заблокировав двери, первым делом я себя хорошенько обнюхала. И пришла к выводу, нет, не показалось. От меня действительно основательно так несёт парфюмом Дёмина. Рядом с ним я тоже чувствовала на себе его запах, но успокаивалась тем, что это от него пахнет. Однако сейчас Влада поблизости нет, а запах его остался.

Правильно я Дёмина назвала козлиной мордой. Такой он и есть. Это как же надо было об меня тереться, чтобы я вся насквозь им провоняла? Нет, сам по себе запах более чем приятный, но ассоциируется с Дёминым, значит, как и его владелец, для меня невыносим. И что интересно, на Владе парфюм лишь угадывался, зато от меня прёт, будто я в бочку его налила и с головой окунулась.

Пропахло всё: ладони, запястья, волосы, шарф. Но ароматнее всего — пальто, и это обидно вдвойне. Себя отмою, одежду закину в стиралку, но отдавать почти новое пальто в химчистку – такое себе мероприятие. Ой ладно, чего я так из-за ерунды завелась. Вывешу пальто на балкон, открою окно, день-другой и всё выветрится.

Пока обнюхивала себя, Дёмин вышел из нотариальной конторы. А говорил, будто ему нужно решить с нотариусом ещё какой-то важный вопрос. Видимо, не такой уж и важный, если управились за пять минут.

Заметив меня, Влад не пошёл к своей машине, а остался на крыльце и пялится. Опять у него физиономия недовольная. В каком страшном грехе, по его мнению, я виновата на этот раз? Его условие выполнила, наследство приняла.

Кстати, когда он заявил, что даст команду удалить посты только после того, как я выполню его условие, в голову закралась такая бредовая и неприличная мысль, что теперь даже стыдно её вспоминать. Я подумала, что он потребует чего-то интимного и заведомо унижительного. Воображение тут же подкинуло картину: он разваливается в кресле, бросает на пол подушку и приказывает сделать ему хорошо.

И нет, я не испорченная и не считаю, что все мужчины, глядя на меня, думают только об одном. Просто в тот момент Дёмин многозначительно наматывал на палец мои волосы, при этом хищно скалился и настолько плотоядно смотрел... И он, наверняка, всё это делал намеренно, чтобы лишний раз поиграть на моих нервах. Ведь понимал: если смотреть на девушку похабно, она и будет ждать похабных условий.

Но хоть позвонил кому-то из своих людей насчёт тех постов, дал задание не просто их удалить, но и выяснить, кто заказал. И либо Дёмин — гениальный актёр, либо он действительно не имеет к постам отношения, потому что его разговор по телефону выглядел предельно правдоподобным.

Заметив, что Влад спустился с крыльца и направился не к своему, а к моему автомобилю, я от греха подальше и не глядя в его сторону, чтобы не дай бог не увидеть, как он подаёт знак не уезжать, завела двигатель и вылетела с парковки.

Буквально через пару минут мелодия, звучащая по радио, резко оборвалась, а вместо неё из динамиков раздался звук входящего телефонного вызова.

Закатив глаза, поскольку решила, что это Дёмин, я машинально потянулась к дисплею, чтобы сбросить звонок, но в последний момент заметила, что на экране высвечивается контакт «Марго», и приняла вызов.

— Добрый день, — поприветствовала я её.

— Здравствуй, Полина, — произнесла женщина таким тоном, которым точно никому не желают здоровья, а скорее наоборот. — Хотела узнать, как ты собираешься решать нашу проблему?

— Какую именно? — не поняла я.

— Ты должна мне денег! — заявила она, причём с таким возмущением, будто я стояла перед ней на коленях, умоляя одолжить, клялась вернуть через неделю, но уже год бессовестно не отдаю.

Разумеется, теперь я догадалось, о каких деньгах речь. При оглашении завещания я необдуманно ляпнула, что рассмотрю возможность компенсировать ей урезанную Сергеем сумму, но ничего конкретного не обещала.

— Марго, ты что-то путаешь. Ничего я тебе не должна.

— Как это нет! — взвизгнула она, динамики так громыхнули, что вопли Марго услышали все водители в радиусе ста метров, а я вздрогнула и, спасая уши, подняла плечи. — Сергей обещал мне солидную сумму, а оставил жалкие крохи. Ты сама признала, при свидетелях, что обязана выплатить мне разницу.

— И снова ты, Марго, ошибаешься. Я сказала, что подумаю, но никаких обязательств на себя не брала.

— Ты со мной, девочка, не шути. Со мной шутки плохи. Марк всё слышал и, если понадобится, в нужном месте подтвердит.

— Если ты решила подать на меня в суд, то пожалуйста. Желаю удачи.

— Полиночка, ну, войди в моё положение, — жалобно заныла Марго, грубость не сработала, и она мгновенно сменила тактику. — Ты бы видела, в каких условиях я сейчас живу. Квартирка маленькая, на отшибе, с безвкусным ремонтом, за стеной у соседей двое детей, и они орут целыми днями. Я даже гостей пригласить не могу — стыдно.

— Марго, после твоего выступления у нотариуса всё моё желание тебе помогать просто умерло — это во-первых. А во-вторых, даже если бы у меня отшибло память, и я забыла, как ты меня обвиняла, как бросалась с кулаками, как запустила бутылку, даже в этом случае у меня связаны руки. Ты же слышала Дёмина: без его согласия я ничего со счёта снять не могу, а выплату тебе он никогда не одобрит.

— Уговори его, — предложила Марго, после чего я нервно рассмеялась.

— Уговорить Дёмина? Да это в принципе невозможно. Да и потом, я у него для себя ничего не собираюсь просить, уж извини, но для тебя — тем более.

— Хорошо, — произнесла она с тяжёлым вздохом. — Тогда переформи на меня свой салон. На первое время мне хватит, а потом что-нибудь придумаем.

Наглость Марго обескуражила меня до такой степени, что я не то чтобы не знала, что ей ответить, а попросту не могла говорить. В мыслях, куда только я женщину не отправила, но вместо слов из горла вырывался лишь сдавленный, недоумённый хрип.

— Марго, ты не в себе, что ли? — наконец выдохнула я. — Мы с тобой не родственницы, не подруги, мы по сути чужие люди. С таким же успехом ты могла выбрать из толпы любого случайного человека и потребовать, чтобы он переписал на тебя свою собственность. Догадываешься, что он тебе бы ответил? Считай, что это сказала я. Салон — мой единственный источник дохода, и ты его никогда не получишь.

— Неправда! — её голос снова стал жёстким и наглым. — Теперь у тебя есть наследство. Можешь хоть десять салонов открыть. А у меня нет ни крыши над головой, ни средств к существованию. У тебя теперь огромные деньги, а я — нищая. Разве это справедливо?

В памяти всплыл наш недавний разговор в больнице, когда Марго ещё считала, что меня нет в завещании, а ей причиталась солидная сумма. То есть тогда всё было ровно наоборот. И что-то не припоминаю, чтобы такое положение дел казалось ей несправедливым. Тогда её всё полностью устраивало.

— Марго, то, что тебе не на что жить — это огромное преувеличение. Даже урезанной доли от наследства Сергея тебе хватит на несколько лет. Так что не прибедайся и не звони мне больше. Я всё равно ничем помочь тебе не могу, — твёрдо заявила я и, чтобы не продолжать бессмысленный спор, сбросила вызов.

В будущем, если Марго и вправду окажется в затруднительном положении, я в любом случае постараюсь ей помочь. Мы не родня и не близкие люди, но почему-то я чувствую за неё некую ответственность. Однако сейчас, когда ей точно не грозит ни голод, ни холод, лучше держать дистанцию. С Марго надо знать меру — иначе она лихо оседлает мою шею и её потом оттуда никакими палками и пинками уже не прогонишь.

Конечно, неугомонная Марго не собиралась сдаваться. Она названивала и названивала мне без остановки. Где-то на третьем звонке я убрала громкость, а на пятнадцатом перевела телефон в режим полёта.

Вернувшись домой, я скинула обувь и сразу же вынесла пропахшее Дёминым пальто на балкон, а затем нырнула в шкаф за домашней одеждой — в планах не меньше часа отмыкать в ванне с пеной и переодеться.

Но им не суждено было сбыться. В тот самый миг, когда я переступала порог ванной, в дверь позвонили. Мелькнула мысль притвориться, что дома никого нет, но потом я подумала, а вдруг заливаю соседей, или пришла и хозяйка с проверкой, или ещё какая напасть.

На тот случай, если за дверью Дёмин, я кралась на цыпочках и смотрела в глазок с расстояния, чтобы он с той стороны не потемнел. Если там Влад — я скорее отгрызу себе руку, чем открою.

Опасения не оправдались. На площадке, оглядываясь по сторонам и слегка улыбаясь, стоял Марк.

— Ты обещала зайти ко мне позже. Я ждал. Но так как не дождался, приехал сам, — пояснил он, едва я открыла дверь, и, шагнув в прихожую, тут же предложил. — Поужинаем?

— Марк, я бы тебя с удовольствием покормила, но кроме пожухлого яблока, пакета молока и просроченного творога мой холодильник девственно пуст, — со смущением призналась я. — Но если подождёшь, я что-нибудь закажу.

— И чем же, позволь полюбопытствовать, ты сама планировала ужинать, имея в арсенале такой шикарный ассортимент продуктов? — строго, где-то даже с упрёком в голосе поинтересовался он. — М?

Пока я мялась, придумывая ответ, Марк поднял руку, до этого скрывавшуюся за спиной, и продемонстрировал большой бумажный пакет.

— Не беспокойся. Я со своим. Прихватил и поесть, и попить, — он вручил мне пакет и, наклонившись, чтобы снять обувь, начал давать указания. — С тебя бокалы и вилки, я с палочками на «вы». Тарелки можно не доставать, мне и из коробок вкусно. Я не привередливый.

— Будут тебе бокалы с вилками, — улыбнулась я. — Только дай пять минут. Переоденусь и накрою стол.

Вернувшись к шкафу, я положила обратно на полку майку с шортами и достала более подходящий для приёма гостя домашний костюм — брюки и свободную рубашку. Комната у меня просторная, но одна, поэтому переделалась в ванной. А когда вышла — не узнала квартиру.

Менее чем за пять минут Марк успел плотно задёрнуть шторы, погрузив комнату в мягкий полумрак, включил на телевизоре видео с потрескивающим камином, из умной колонки лилась ненавязчивая инструментальная музыка. Ужин он накрыл не на кухонном столе, а на низком кофейном, накидав на пол подушек с дивана — видимо, чтобы на них сидеть.

Я поёжилась от нахлынувшего дискомфорта. Я знаю, Марк относится ко мне как к другу и никаких видов на меня не имеет, но созданная им атмосфера выглядит слишком уж романтично.

За стеной, отгораживающей зону кухни, послышался звон посуды и ворчание Марка:

— Где же этот чёртов штопор?

— Не ищи, — сказала я, выглядывая из-за угла. — Штопора у меня нет.

— Досадно, да ладно, — не расстроился Марк и закрыл верхние дверцы шкафов. — Не в первый раз придётся открывать бутылку по корявому, продавливая пробку внутрь. Найдётся что-нибудь продолговатое и, желательно, крепкое?

— Могу предложить ножницы или отвёртку.

— Тащи и то и другое. По ходу разберёмся, что подойдёт лучше.

— Полина, а ты когда в последний раз ела? — поинтересовался Марк, когда мы устроились на подушках, и я набросилась на лапшу с курицей, как оголодавшая чайка, орудовала вилкой и челюстью так быстро, будто у меня за спиной кто-то стоял с намерением отобрать еду.

— Не помню, — пожал плечами, произнесла я невнятно из-за набитого рта. — Последние дни у меня на завтрак, обед и ужин — одно и то же дежурное блюдо, кофе с молоком и таблеткой сахарозаменителя.

Марк посмотрел на меня с несвойственным ему осуждением и тяжело вздохнул.

— Поля, так нельзя. Я понимаю, у тебя тяжёлый период, но надо жить дальше.

— А я и живу, — заметила я, нырнув вилкой в новую коробку с жареным рисом, креветками и ананасом.

— Хреново живёшь. Поправь, если не прав. Ты безвылазно тухнешь в квартире, выходишь, как сегодня, только по острой нужде. Сутками смотришь на ваши фото и видео с дядей, вспоминаешь, поскуливаешь и ревёшь.

— По-другому пока не получается, — призналась я. — Не так-то просто, когда хреново, взять себя за шиворот и хорошенько встряхнуть. Но я стараюсь. Сегодня даже достала коврик для спорта, правда, до занятий дело так и не дошло. Не по моей вине. Позвонили из салона с проблемой, пришлось мчаться туда.

Марк кивнул и с задумчивым видом обновил свой бокал белым сухим, в мой тоже долил, но лишь каплю — больше бы не поместилось. Если он пил охотно и с удовольствием, я только для вида мочила язык.

— А что, если мы с тобой начнём вместе морозить задницы на утренней пробежке? — вдруг предложил он. — Я живу недалеко, могу заскакать к тебе перед работой. Да и после работы тоже, чтобы приготовить и съесть ужин, поговорить, посмотреть фильм или прогуляться? Как тебе такая друготерапия?

В глазах Марка загорелся энтузиазм, я же пребываю в состоянии тихого ужаса и категорически против.

Ещё со школьных времён у меня выработалась стойкая аллергия на бег. Как вспомню, какого это бежать на скорость несколько стадионов, становится дурно. Лёгкие горят от нехватки кислорода, по спине ручьями стекает пот, в боку нещадно колет, во рту привкус крови. Хочется лишь одного, рухнуть на землю и от изнеможения сдохнуть, ну и бонусом ко всему бледный нос и красные щёки на ближайшие два-три часа.

И дело не только в беге. Марка я, конечно, люблю, но даже его присутствие в моей жизни сейчас, должно быть, строго дозированным. Мне всё ещё тяжело, и я не готова подолгу общаться с людьми.

— Судя по твоей скисшей мордашке, от идеи ты, мягко говоря, не в восторге, — с разочарованием констатировал Марк.

— Не в восторге, — опустив глаза, подтвердила я. — Не подумай, дело не в тебе. Просто я хочу входить в колею в своём, размеренном ритме. Я ценю твоё беспокойство и желание помочь, но, если брать в целом, я в порядке. Желания выброситься из окна нет, вены в ванной вскрывать тоже не тянет. Кто-то борется с депрессией, разогнавшись и прыгнув с обрыва. Я же иду к цели монотонно, маленькими шагами, и сейчас мне это комфортней делать одной.

Марк улыбнулся, словно говоря: «Я тебя понимаю и не буду навязываться», но после будто разозлился, мотнул головой и, хлопнув ладонью по столу, заявил:

— Нет, Полина, так не пойдёт. После оглашения завещания ты избегаешь меня, и я не стану делать вид, что этого не замечаю. До оглашения тебе было не лучше, чем сейчас, но ты отвечала на звонки и звонила сама. Если я напрашивался в гости — не отказывала. Теперь ты не берёшь трубку, а после в лучшем случае отписываешься. Я тебе сегодня даже не стал звонить, специально приехал без предупреждения. Был уверен, у тебя обязательно найдётся тысяча причин не встречаться, — с претензией высказался Марк, потом передвинул свою подушку плотнее ко мне, приобнял и спросил: — В чём дело? Почему ты меня избегаешь?

— Потому что рядом с тобой я чувствую себя виноватой, — тихо призналась я, глядя парню в глаза. — Каждый раз у меня возникает ощущение, будто я украла твоё наследство.

— Полинка, ну что ты несёшь? — как с маленькой, но по-доброму заговорил Марк. — Ничего ты у меня не воровала. Дядя решил переписать завещание в твою пользу. Это его имущество, и кому его оставлять — его право.

— Знаю, — буркнула я. — Но неловкость всё равно чувствую. Теперь я бессознательно анализирую каждый твой жест, каждое слово, боюсь заметить в них скрытую обиду в мою сторону.

— Боже мой, — задрал голову, устало выдохнул Марк в потолок, а потом взял моё лицо в ладони и произнёс. — Полина, слушай меня очень внимательно. Поначалу, да, признаюсь, я расстроился. Но сейчас ответственно и предельно искренне заявляю: лишиться наследства — лучшее, что случилось со мной. Ты же знаешь, как я жил: семь дней в неделю одни сплошные тусовки, вечеринки, встречи с такими же, как и я, пустыми друзьями. Зачем стараться и к чему-то стремиться, когда и так всё есть? Зато утром на следующий день после оглашения завещания я впервые боялся опоздать на работу, а в офисе перестал только изображать бурную деятельность и действительно начал работать. Потому что в компании я теперь никто. Дёмин легко за ненадобностью пнёт меня из кресла и не поморщится. Из соображений приличия он, конечно, сразу этого не сделает, поэтому мне надо успеть доказать, что от меня есть польза. И знаешь что? Впервые за долгие годы я почувствовал себя... живым или даже счастливым. Может, в это трудно поверить, но я так устал от этого нескончаемого праздника, от чувства никчёмности и, главное, от одиночества.

— В твоё одиночество, с учётом того, сколько девушек постоянно тебя окружает, мне действительно трудно поверить, — призналась я.

Марк совсем невесело усмехнулся и с тоской на меня посмотрел.

— Быть со всеми — значит быть ни с кем. Не только они для меня способ развлечься, я для них тоже — тот, кто оплатит счёт, свозит на отдых, купит подарок. И тут я, наверное, сам виноват. Не там и не с теми знакомлюсь.

— Если ты это понял, значит, жди изменений, — заметила я. — Марк, ты самый потрясающий парень из всех, кого я знаю. Ты обязательно встретишь ту самую: добрую, красивую, умную. Влюбишься и прекратишь прыгать на каждый доступный цветок и опылять.

Марк поджал губы и как-то странно на меня посмотрел — с одной стороны, боязливо, с другой — будто хотел в чём-то признаться.

— Я уже встретил такую. Влюбился. И с нормальными девушками отношения намерено не завожу, чтобы их не обижать, не давать надежду... Ведь здесь, — парень приложил руку к груди. — уже занято.

— Вот даже как?! — удивилась я, а после расплылась в улыбке и подразнила парня. — Так наш главный сердцеед, оказывается, влюблён. И кто это? Я её знаю?

Марк кивнул.

Глава 11

Сосредоточившись, я начала перебирать в памяти всех знакомых нам девушек. На первый взгляд казалось, что вычислить предмет его интереса будет легко. Если Марк приятель всему миру, то мой круг общения скромный, да и девушка должна была быть такой — взглянешь, и челюсть тут же рухнет в область колен от ослепительной красоты. На другую Марк внимания бы не обратил. Но сколько я ни ломала голову и даже снизила планку для претендентки, найти подходящую кандидатуру так и не удалось.

— Марк, а я точно её знаю? Мне на ум вообще никто не приходит.

— Точно, — он обнял меня ещё крепче. — Только не проси назвать имя, я не скажу.

— Даже так?! — воскликнула я, слегка отодвигаясь. — Это нечестно. Ты же меня до трясушки заинтриговал. Сказал «а» говори «б», — потребовала я, но тут же спохватилась. — Хотя... это твоя личная жизнь. Не хочешь — не надо.

— В том-то и дело. Сказать хочу, но не могу. Вернее, боюсь.

— Чего? — изумилась я.

— Боюсь, что ты не поймёшь. Осудишь.

— Она что, в отношениях? Или замужем? — предположила я, не найдя других веских причин для осуждения.

Марк замер, задумался, а затем, отпустив меня, начал с силой массировать пальцами виски.

— Это сложный вопрос. Однозначно ответить трудно. Сейчас она формально свободна... но любит другого. Да даже если бы не любила, наш роман выглядел бы в глазах общества странно.

Сначала упоминание об общественном мнении окончательно меня запутало, но, хорошенько поразмыслив, я нашла объяснение, и всё встало на свои места. Марк сохнет не по молоденькой девушке, а по взрослой даме. Вот почему я не догадалась, о ком он говорит, искала среди плюс-минус его ровесниц. Такой союз и впрямь может вызвать пересуды, даже насмешки, особенно если разница в возрасте значительна. Вот если мужчина старше — это как-то легче воспринимается, но когда наоборот...

— Скажи, я правильно поняла? Ты ей о чувствах даже не говорил? — уточнила я.

— Нет.

— Ну и балбес, — щёлкнула парня по лбу. — Переживать из-за осуждения общества — та ещё глупость. Люди позубоскалят, почешут языками — и перестанут. Это раз. А два: ты не можешь знать, что чувствует другой человек. С чего ты взял, что она кого-то любит?

— Она сама говорила. Да это и без слов ясно.

— Тут, конечно, есть над чем подумать, — выдохнула я. — Если признаешься, можешь получить от ворот поворот, и ваше общение постепенно, а может, и резко, сойдёт на нет. Или же, узнав о твоих чувствах, она ответит взаимностью. Ещё ты можешь и дальше ходить вокруг неё и тоскливо облизываться. Тогда, если она женщина интересная, а я полагаю, так оно и есть, рано или поздно найдётся кто-то посмелей. Со всеми вытекающими. В любом случае, решать тебе. Но помни: лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном.

— Советуешь признаться? — крайне серьёзно спросил Марк.

— В таких делах советчиков нет. Решай сам. Я лишь обозначила варианты, не более.

— А ты бы как поступила на моём месте?

— Отвечу, но не считай это руководством к действию. Я бы сказала.

— Знаешь, а ты права, — Марк заметно воодушевился, закивал, а потом подался ближе и коснулся своими губами моих.

Я не отшатнулась, но внутри вся сжалась в комок. Нет, я, конечно, всё понимаю, но за разговор по душам мне бы хватило и обычного «спасибо». Поцелуй — это перебор.

Марк пристально на меня смотрит, будто видит впервые, и, кажется, даже не дышит. Я, к слову, тоже тарашусь на него во все глаза и затаила дыхание. Наверное, потому что нам обоим неловко.

Чтобы разрядить обстановку, я улыбнулась и уже собиралась сказать, чтобы он держал меня в курсе событий на его личном фронте, как Марк поцеловал меня снова. На этот раз уже с языком.

Даже под пытками не скажу, как мне удалось за мгновение оттолкнуть его от себя, вскочить на ноги и оказаться в метре от стола.

— Это что ещё такое?! — ошарашенно возмутилась я. — Мало того, что я жена твоего дяди, так ты ещё минуту назад твердил, что влюбился... — и вот тут до меня, наконец, дошло. Никакой девушки или женщины постарше нет и не было. Он имел в виду меня.

— Полина, я сильно поторопился, да? — виновато спросил он, то беспокоило поднимаясь с подушки, то вновь опускаясь. — Так и знал, надо было ещё подождать. Только всё испортил.

Марк продолжал бормотать, то извиняясь, то сожалея, что не смолчал, потом, наперекор себе, говорил, что хоть всё и вышло не так, как хотелось, у него на душе полегчало, ведь носить в себе чувство, не имея возможности признаться — пытка. Я же от потрясения стояла молча. И ругала себя: зачем убеждала его открыться, если не знала, о ком идёт речь? Ещё сожалела: ведь Марк — мой единственный друг, и, скорее всего, этой дружбе только что пришёл конец.

— Марк, нам сейчас лучше взять паузу, — предложила я, как только смогла говорить.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл? — наконец перестав суетиться, спокойно спросил он.

— Да. Нам обоим есть над чем подумать. Переварить.

— Хорошо, — не стал спорить он, поднялся и направился к выходу, но, проходя мимо, остановился и, не глядя на меня, тихо спросил. — У меня есть хоть какой-то шанс?

— Не думаю, — сначала я хотела сказать «нулевой», но после смягчила ответ.

— Почему? — продолжая смотреть строго вперёд, с обидой прорычал он.

— Марк, зачем ты спрашиваешь? Знаешь же почему, — теперь и в моём голосе сквозила претензия.

Парень вздохнул.

— Ничего. Я уже долго ждал. И ещё подожду. Неважно сколько — год, два, пять лет...

— Не стоит, — с трудом выдавила я. Говорить жёсткие вещи близкому человеку — словно причинять боль себе, но ради самого Марка нельзя оставлять ему ложных надежд.

— Собираешься хранить ему верность до гроба?! — зло выкрикнул Марк, дождался ответа с минуту и, не дождавшись, рванул с вешалки куртку, быстро обулся, после чего за ним с грохотом захлопнулась дверь.

Дождалась, когда за дверью стихнут шаги и, злясь на себя, на Марка и на всю ситуацию в целом, не по-девичьи выругалась. Да, так грязно, хоть язык с мылом мой. Вспомнила, кажется, все непечатные выражения, которые годами, изо дня в день, долетали до меня сквозь тонкую стенку между моей комнатой и кухней, где мама с собутыльниками, напивались, обсуждали политику, классовую несправедливость, философствовали, ну и под занавес дрались обязательно.

Обидно до слёз: не держатся рядом со мной хорошие люди, и всё тут, хоть тресни. Алёнка единственная подруга в конце девятого класса переехала с родителями в другой город, Серёжи не стало — с этой потерей я никогда не смерюсь, а теперь и дружба с Марком висит на тонюсеньком волоске.

Если бы он воспринял мой отказ хоть немного спокойнее — со временем получилось восстановить между нами мосты. Но какой там! Марк озлобился и оскорбился, рычал на меня, а когда говорил о верности покойному мужу, заменил имя Серёжи на обезличенное местоиме-

ние «Ему», а под послед дверь так хлопнул, удивляюсь, как лампочки из натяжного потолка не посыпались мне прямо на голову.

Сначала я просто с кислым лицом убирала остатки ужина со стола, но минут через пятнадцать, помрачнев ещё сильнее, занялась самоедством. Потому как прокрутив в голове несколько раз наш разговор с Марком, пришла к неутешительному выводу — неправильно я себя повела, вместо того, чтобы сгладить ситуацию, обострила.

В чём виноват Марк? Да ни в чём. Злиться на парня было то же самое, что предъявлять претензию человеку, которому захотелось чихнуть или почесать пятку. Его чувство возникло само по себе, он это не контролировал и не хотел. Я же, как только Марк признался, будто кошка, столкнувшаяся нос к носу с собакой, оцетинилась вся, враждебно выгнула спину и зашипела.

Долго сомневалась, стоит или нет, но всё же включила телефон, чтобы написать или позвонить Марку. Надо хоть немного затереть возникшее между нами напряжение и дать ему понять, если он сам не против, я бы продолжила с ним дружить.

Но как только телефон ожил и загорелся экран, посыпались уведомления о том, что мне звонил следователь аж целых три раза. Решение вопроса с Марком тут же отодвинулось на задний план.

Я перезвонила Фролову, на второй раз он даже ответил, но толком поговорить не удалось. Без понятия, где он находился и что делал, но грохот из динамика с его стороны доносился такой, будто следователь стоял у самых рельсов, а мимо на полной скорости нёсся поезд.

Я, затыкая одно ухо пальцем, кричала, следователь тоже надрывал горло, но мы друг друга не слышали. В итоге Фролов плюнул, сбросил вызов и написал:

«Жду вас завтра с утра в Следственном комитете».

Разумеется, я ещё пыталась связаться с ним, но он ни на звонки, ни на сообщения не реагировал. Так что ночью мне было не до сна, всё гипотезы строила, зачем я понадобилась Фролову? Может, есть подвижки в расследовании? Или Дёмин таки добился своего, и завтра мне предъявят обвинения? Тогда будет излишним прихватить с собой тёплые носки и зубную пасту со щёткой.

Вот уже сорок пять минут я топчу крыльцо Следственного комитета, ровно столько же дрожу, бью сапогом о сапог и дышу на побледневшие пальцы, пытаюсь хоть немного согреться. А всё моё нетерпение, кто просил меня явиться сюда за час до начала рабочего дня? Да ещё и одеться, будто на улице не разгар зимы, а май месяц?

И ведь в машину, спрятаться и погреться, уже не вернёшься, оттуда где припарковалась, не видно вход в здание. Придётся стоять здесь до победного и караулить следователя уже даже не с красным, а с сизым носом и клацающими зубами, надеясь, что он не опоздает к началу рабочего дня.

К счастью, уже через пару минут на парковочное место, запретное для простых смертных, вкатил белый кроссовер, и из него вышел Фролов. Он почти сразу заметил меня, и его лицо почему-то недовольно скривилось. И этот туда же. Ему-то я чем не угодила?

— Давно здесь стоите? — спросил он, когда расстояние между нами сократилось настолько, что можно было не кричать. — Холодно же. Вся трясётесь. Хоть бы внутрь вошли.

— Вы же меня не просто так вызвали? Новости есть? — сменила я тему: меньше всего мне сейчас хотелось обсуждать погоду и свои заочневшие руки.

— Поднимемся ко мне? — предложил он, вскинув голову и кивнув куда-то вверх, видимо, на окно своего кабинета. — Я вам чаю горячего заварю, отогреетесь.

— Я с радостью поднимусь с вами хоть куда, только о главном скажите сейчас, а детали обсудим позже, — попросила я. — Со вчерашнего вечера я себе места не нахожу, всё гадаю, что же случилось.

Мужчина посмотрел на меня с пониманием и сообщил:

— Смерть вашего мужа признана несчастным случаем. В возбуждении уголовного дела отказано.

— Как так?! — вырвалось у меня от возмущения. — Олег Владимирович, никакого несчастного случая не было! Сергея отравили, зачем вы...

— Полина, вы не так должны реагировать, — шагнув ко мне вплотную, прошипел следователь и быстрым взглядом окинул пространство вокруг, проверяя, нет ли поблизости посторонних ушей. — Для вас это хорошая новость. Я на свой страх и риск доверился не логике, а интуиции. И не стал рассматривать вас в качестве главной подозреваемой. Хотя у вас была и возможность, и, как выяснилось, мотив с бесконечным количеством нулей.

— Да я знать о наследстве не знала! Как и все остальные думала, всё отойдёт Марку, — выпалила я, готовая от досады топнуть ногой — до того мне надоело твердить это всем подряд по несколько раз.

— И я вам верю. Поэтому и закрыл дело. Считаю, лучше упустить двух преступников, чем наказать одного невиновного. Если бы я не квалифицировал смерть вашего мужа как несчастный случай, рано или поздно мне пришлось бы вас обвинить, а в суде вас с высокой долей вероятности признали виновной. Мотив есть... Да, он есть, и не спорьте. То, что вы не знали — аргумент слабый. Возможность тоже имелась. И улики бы нашлись — пусть косвенные, неубедительные, но и их хватило бы.

— Да умом-то я всё понимаю, но как смириться, что убийце Серёжи всё сойдёт с рук? — простонала я.

— Знаете, Полина, гнилых людей если не закон, то сама жизнь наказывает. Верьте в это и спокойно живите дальше. И вот ещё что, вы сейчас домой вернётесь, наверняка полезете в интернет и выясните, что у вас, как у члена семьи есть право обжаловать решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Даже не вздумайте этого делать. Не рискуйте свободой, гонясь за призрачной надеждой наказать убийцу мужа. И племянника, Марка, от этой затеи любыми способами отговорите. А то он тоже, как мне показалось, был недоволен, что дело закрыли.

— Марк знает? — удивлённо переспросила я.

— Да. Я вчера, когда до вас не смог дозвониться, набрал его, ну и сказал.

— Странно, — задумчиво пробормотала я. — Мы виделись с ним вчера, но он об этом даже не заикнулся. Хотя... Видимо, просто не успел.

Объяснение, почему Марк промолчал, нашлось быстро. Он догадывался, как я отнесусь к новости, и чтобы не портить ужин, приберёт её на потом, но всё пошло не по плану.

— Полина, теперь и я уже замёрз, — переминаясь с ноги на ногу и немного смущённо, признался следователь. — Давайте всё-таки зайдём в помещение.

— Вы идите, — выдохнула я. — А я поеду, всё что надо вы мне уже рассказали. До свидания, Олег Владимирович.

— Полина, — окликнул меня мужчина, когда я спустилась с крыльца. — Не наделайте глупостей. Договорились?

— Постараюсь, — пообещала я и даже выдавила из себя подобие улыбки.

Домой добиралась, будто на автопилоте, механически реагировала на перекрёстки, сигналы светофоров и дорожные знаки, а сама была полностью погружена в свои мысли.

Мне достался тот ещё выбор, либо обжаловать прекращение дела, рискуя в итоге самой оказаться за решёткой, либо позволить убийце Сергея уйти от ответственности.

Оба варианта меня не устраивают, надо искать третий.

Единственное, до чего я додумалась — нанять знающего человека и провести своё собственное, независимое расследование. В профессионализме Фролова я не сомневаюсь, но если судить о его работе по сериалам, нагрузка у него будь здоров, мог что-то и упустить.

С этими мыслями я подъехала к дому, припарковалась, зашла в подъезд, поднялась на лифте и, достав ключи, вставила их в замок.

— Ты сильно отплясывала, когда поняла, что тебе удалось выйти сухой из воды? Ведь твой ручной следователь закрыл дело.

Сначала я не узнала голос и даже не поняла, что обращаются ко мне. Когда же сообразила, что за спиной стоит Дёмин, меня от злости и раздражения аж затрясло. Я резко обернулась и выкрикнула:

— Ты когда-нибудь меня оставишь в покое? Следователя ручным называешь, а сам ходишь за мной как собачонка. Будто жить без меня не можешь. Самому-то не надоело?

Глава 12

— Следи за языком и умерь самомнение — прорычал в ответ Влад. — Я здесь лишь потому, что Сергей вынудил меня тебя опекать. Чем быстрее подпишешь, — он протянул мне пухлую серую папку, — тем скорее разойдёмся.

— Что это? — спросила я, кивнув на папку, и даже не подумала к ней прикоснуться.

Влад раздражённо выдохнул и закатил глаза.

— Юридические документы фирмы, требующие твоей подписи как собственницы.

— А зачем ты ко мне сам-то припёрся? — бросила я. — Неужели все службы доставки разом закончились? Или у тебя, вернее, у нас в фирме, острый голод трудовых кадров, и кроме тебя послать с документами больше некого?

Дёмин сквозь зубы что-то зло выплюнул, что именно не разобрала, он свою громкость убавил до минимума, но полагаю, меня либо прокляли, либо обматерили.

— Ладно, давай сюда, — выдернула из его рук бумаги. — Когда внимательно прочитаю и подпишу... если подпишу, отправлю тебе папку с курьером. А теперь будь добр, сгинь и больше здесь не появляйся.

— Это срочные документы, и подпишешь ты их сейчас. На всё про всё у тебя пятнадцать минут. А я пока выпью кофе, — заявил Дёмин и, прежде чем я успела сообразить, где он вознамерился взять это кофе, он отодвинул меня в сторону, повернул в замке ключи, толкнул дверь и уверенно вошёл ко мне в квартиру.

— Если бы ты поделился своей наглостью с каждым жителем нашей страны, мы бы стали самой оборзевшей нацией в мире, — съязвила я, проходя вслед за ним, и чтобы у Влада даже мысли не возникло топтать уличной обувью мне полы, предупредила. — Разуваться обязательно.

Первым делом Влад внимательно вокруг себя огляделся, гадостей не сказал, но уверена, он их подумал. Далее он направился в кухню, так понимаю за кофе, я же разделась, присела на диван и сразу взялась за документы.

Пусть салон — дело небольшое, но всё же дело, да и всей документацией, не только бухгалтерской, но и юридической, занимаюсь я сама. Поэтому, открыв папку и ознакомившись с бумагами, я сразу поняла — ничего криминального Дёмин на подпись мне не подсунил. Это всего лишь стандартные формы от нескольких банков, которые обновляются то ли ежегодно, то ли раз в три года, либо когда в учредительные документы предприятия вносятся изменения.

В принципе, можно было смело подписывать, но я на всякий случай решила хотя бы бегло пробежаться глазами по каждому листу — мало ли, вдруг среди этих безобидных бланков затесался какой-нибудь «троянский конь».

В одиночестве я сидела недолго, похозяйничав на кухне, Дёмин с чашкой в руках приземлился рядом на диван.

— Читать каждый документ — это оправданная осмотрительность, — заявил он, побарски разваливаясь и закидывая ногу на ногу. — Но когда бумаги дал я, можешь пропускать этот пункт и сразу подписывать. Листай по закладкам и подмахивай, где отмечено галкой. Если бы я захотел тебя подставить, ты бы не нашла подвох, даже изучая каждую букву под лупой или заучивая текст наизусть.

Бросила на Дёмину короткий, но ёмкий взгляд. Надеюсь, в моих глазах достаточно отчётливо читалась надпись: «Иди на хрен!».

Примерно пять минут в комнате было слышно только шуршание страниц и то, как Влад стучит большими пальцами по экрану телефона.

Молчать дольше его терпения, увы, не хватило.

— Кто бы мне три года назад сказал, — с ехидной усмешкой начал он. — что дочь алко-голички из захудалого городишки станет моим равноправным партнёром. С такой же долей в компании, как у меня. Ни за что бы не поверил. Тебе кто-то свыше щедро отсыпал удачи.

Мои пальцы замерли на углу листа. Это мне-то щедро отсыпали удачи?

— Вышла замуж за обеспеченного человека, он всё оставил тебе, — продолжил Влад. — Теперь сидишь и с важным видом проверяешь документы, хотя по всем раскладам, тебе светило лишь спиться. Как твоя мамаша.

— Серьёзно? — мой голос прозвучал тихо и непривычно хрипло. — Ты считаешь, мне повезло?! До Сергея моя жизнь была одним сплошным кошмаром. Постоянно пьяная мать, грязь в доме и толпа вонючих собутыльников. Матери было всё равно, во что я одета, обута, сыта ли. Её волновало лишь наличие рядом полной бутылки. Если бы не некоторые соседи, отдававшие мне старые вещи своих детей, я бы ходила голой. Голой и босой. В школе у меня были хорошие оценки и примерное поведение, но это вообще никого не волновало. На мне было клеймо «Дочь алкашки». Родители одноклассников запрещали своим детям со мной общаться и, не дай бог, приводить меня домой. «Не дружи с Полиной, она научит плохому». Чему, Влад? Чему в десять лет я их могла научить? Как варить суп из того, что нашла на помойке? Как зашивать рваные колготки, чтобы не было видно? Я не помню ни одного дня, когда засыпала бы сытой. Или в тишине. На кухне то ржали, то ревели, то дрались. А потом... потом я подросла, и мне приходилось спать с ножом под подушкой. Потому что мамини «собутыльники» могли зайти. И они зашли. В ту ночь я убежала из дома. Просто на улицу. Без денег, без вещей. Почти ещё ребёнком. Ночевала на вокзале, пока не нашла работу, где пахала по шестнадцать часов в сутки практически только за еду и крышу над головой. Когда я наскребла немного денег и переехала сюда, стало легче, возможности сносно одеваться и баловать себя по-прежнему не было, но я хотя бы перестала голодать. А потом появился Серёжа, первый человек, для которого на мне не было никакого клейма, он меня любил, уважал, защищал. А теперь его нет, — горло сжал спазм, а на глаза накатились горькие слёзы, но я их сдержала. — Мы были так счастливы, но это счастье..., длилось одну минуту. Так много, говоришь, мне отсыпали удачи? Хочешь такую же удачу себе?

В воздухе повисла пауза, густая и тяжёлая, после чего Дёмин медленно оторвал взгляд от экрана телефона и посмотрел на меня. Его лицо было каменной маской. Ни тени раскаяния, ни искры понимания. Лишь холод, отстранённость и раздражение, будто он только что выслушал отчёт о проваленном квартале.

— Вместо того чтобы устраивать слезливый спектакль, — проговорил он ровным, лишённым всяких интонаций голосом, — быстрее подписывай. Твои пятнадцать минут на исходе.

Сглотнув образовавшийся в горле ком и решив, что Дёмину бесполезно что-то доказывать, уткнулась обратно в бумаги и максимально быстро, скользя взглядом по строчкам, подписывала. Лишь бы это закончилось. Лишь бы он ушёл.

Поставив последнюю подпись, я швырнула папку Дёмину на колени. Ждала, что он начнёт проверять, не оставила ли я какую галку без росчерка или ещё что выдумает, лишь бы задержаться и нервы мне помотать. Но, к удивлению, Влад молча поднялся с дивана и, не взглянув на меня, без лишних слов направился к выходу.

Хотя чему удивляться? Дёмин получил, за чем пришёл. Ведь я чуть не расплакалась — сегодня упырь знатно отожрался за мой счёт. До отвала.

Влад

Я не вышел, а вылетел из квартиры. Ожидая лифт, со всей дури впечатал кулак в штукатурку. Раздался глухой удар, стена осыпалась белой пылью, костяшки заныли нещадно — но легче не стало. Перед глазами как стояли омерзительные картины из детства Полины, так и стоят.

Читая отчёт о её прошлом, я представлял алкоголизм её матери как зависимость, а не как полное днище. В отчёте говорилось, что женщина злоупотребляла, но работала — сторожем на каком-то заброшенном складе, но всё же. Конечно, я понимал, что она, не просыхая, пила ежедневно, но думал, делает это с очередным хахалем за более-менее накрытым столом. Судя по словам Полины, никаким накрытым столом там даже не пахло. И к матери таскался не один мужик — в их доме собиралась вся местная алкашня.

Створки лифта разъехались. Я шагнул внутрь, и снова перед глазами встал тот тошнотворный момент: с грохотом распахивается дверь, и в комнату девочки-подростка вваливаются гнусно посмеивающиеся пьяные рожи... Нестерпимое желание убивать снова сдавило горло.

На улице зимний воздух немного остудил пыль, дышать стало свободнее. И в голову закралась мысль: а что, если Полина только что подобрала ко мне правильный ключ? Она же ко всем его подбирает. В своё время очаровала затворника Сергея, который, конечно, общался с женщинами, он всё-таки мужчина, но близко их к себе не подпускал. Марк тоже попал под её обаяние, хотя он, как никто другой, должен был воспринимать её в штыки — ведь до неё других претендентов на наследство Сергея не было и быть не могло. Даже опытного следователя Полина сумела перетянуть на свою сторону. Ведьма.

Первым делом, добравшись до машины и рухнув в сиденье, я позвонил безопаснику.

— Георгий Иванович. Да-да, и тебе не хворать. Слушай, помнишь, несколько месяцев назад ты собирал досье на Полину Сабитову? Ты же в её родной город не ездил, людей не опрашивал? Сделай. И сделай сам. Поговори с её матерью, выясни, почему дочь ушла из дома. Расспроси учителей, как Полина училась. Лучше многих? В отчёте этого не было. Почему не включил? Всё важно! Поинтересуйся у классного руководителя, как она ладила с одноклассниками, и всё в этом духе... Пройдись по соседям. Загляни к участковому. В общем, разузнай всё, что только можно. Почему завтра? Поезжай сегодня!

Сбросив вызов, я глянул на папку на панели приборов и швырнул её на заднее сиденье.

— И действительно, зачем я сюда сам-то приехал?! — рывкнул я в пустоту.

Спустя несколько секунд прорычал уже тихо:

— Докатился... Сам с собой разговариваю.

Завёл двигатель, тронулся с места, включил на полную громкость музыку, но она не заглушила звучащий в голове голос Полины. Когда она говорила о юности, я не смотрел на неё прямо, но видел, как дрожали её губы, как заблестели от слёз глаза, как в её руках тряслась папка. Я слушал её — и душа выворачивалась наизнанку. Был момент, когда я чуть не притянул её к себе и не обнял. Удержало лишь одно: я повторял себе снова и снова — не факт, что она говорит правду.

Полина

Дёмин припёрся, до мяса расковырял мою старую рану, и весь остаток дня во мне шевелилось то самое проклятое чувство из детства — смесь страха, тревоги и безысходности. И ничто не помогало избавиться от него: ни часовой заплыв в ванной, ни расслабляющие упражнения на растяжку, ни даже любимый лёгкий комедийный сериал. Лишь к позднему вечеру я поняла, что мне поможет только полная перезагрузка. Проветрила комнату, наглухо задёрнула шторы и легла спать пораньше, в надежде, что за ночь обнулюсь и утром проснусь не той несчастной запуганной девочкой, а собой.

Я уже балансировала на краю сна, когда рядом на тумбочке вздрогнул и зазвонил телефон. Стащила его и, шурясь от яркого света экрана, с раздражением прочитала: «Марго».

Не будь я весь день на таком взводе, просто проигнорировала бы звонок. Но сейчас приняла вызов с одной-единственной целью — как следует наорать на неё. Чтобы впредь боялась звонить мне так поздно.

— Да?! — недовольно ответила я.

— Я не вовремя, да? — протянула Марго невнятно, заплетающимся языком. — Я уже начинаю привыкать. Кому бы и когда бы не позвонила — никто не рад.

— Марго, время позднее, я уже легла спать. Если у тебя нет ничего срочного, позвони завтра.

Честно старалась, но по-настоящему грубо не получилось. Удачно хамить у меня получается только Дёмину, другим ещё пока не научилась.

— Завтра я опять из страха смолчу, а сегодня... Кажется, сегодня я решилась.

— На что ты решилась? — устало выдохнула я.

— Я больше не могу жить с этим грузом вины, он меня душит. Ты должна мне помочь, выслушать и сказать, как мне быть. Полина, клянусь, я не хотела ничего по-настоящему страшного, а просто от обиды болтала, несла всякую чушь. Сергей не должен был жениться, да ещё и на такой молодой, как ты... Ведь я замуж не вышла. Я чувствовала себя оскорблённой и преданной. Всё ждала, когда же ваша свадьба бумерангом Серёже треснет по голове. Была уверена, тебя надолго не хватит, зафестивалишь, начнёшь возвращаться домой под утро. Даже представляла ваши скандалы: как вы орёте, бьёте посуду, как ты называешь его старым козлом, а он вышвыривает тебя на улицу. Но вы, как назло, казались такими счастливыми... аж до тошноты.

Резко скинув с себя одеяло, я села, и чтобы не дай бог не спугнуть откровенность Марго неосторожно брошенной фразой, на всякий случай зажала ладонью рот. Она опять в стельку, но её слова не звучат как пьяный бред, они больше похожи на крик души. Мне кажется, Марго что-то знает о смерти Серёжи. Или вообще напрямую связана с ней. Допускаю даже то, что это она его отравила, особенно с учётом её медицинского образования.

— Марго, ты правильно сделала, что мне позвонила, — мягко начала я. — Расскажи всё. Выпусти накипевшее. Обещаю, сразу полегчает.

— Я хочу..., но боюсь! — с надрывом выкрикнула Марго. — Он мне сказал... если раскрою рот, он утянет меня за собой. Не как соучастницу — как организатора. Мол, идея-то была моя...

Судя по всему, Марго придумала способ, но не травила сама, это был кто-то другой — «Он», значит, мужчина.

— Я правильно поняла, ты знаешь, кто отравил Серёжу? — уточнила я всё тем же ровным, спокойным тоном, хотя, конечно, хотелось топтать ногами и во всё горло орать.

— Да, — призналась она, сдавленно всхлипнув.

— Марго, кто это? Скажи мне. Я тебя защищу. Обещаю.

Её смех прозвучал одновременно горько и цинично.

— Как только я назову имя — ты позвонишь ментам. Его загребут, а он всё на меня свалит. У него и доказательства против меня есть. А я в тюрьму не хочу, я там сгину.

В груди у меня клокотала и билась в истерике злость. У Сергея отняли жизнь, а эта пьяная рожа знала, кто убийца, и молчала. Тряслась за свою шкуру. Чтобы не прокричать женщине, кто она есть, больно прикусила губу.

— Марго, послушай. Ты сейчас не о том переживаешь. Ты решётки боишься, а надо бояться морга и гроба. Пойми! Если этот человек убил Серёжу, значит, он легко избавиться и от тебя, чтобы ты навсегда замолчала. Единственный твой шанс выжить — это рассказать мне всё. Тогда смысл тебя убивать просто исчезнет.

Несколько секунд Марго не отвечала, а потом её голос прозвучал неожиданно чётко, холодно и расчётливо:

— Ну уж нет. Я лучше сдохну, чем сяду. Вот как мы поступим, ты мне дашь денег. Много. Чтобы я могла улететь из страны и начать новую жизнь. А я взамен назову имя.

Прикинула, сколько у меня есть на картах. Хватит, пожалуй, только на билет в одну сторону. Вряд ли Марго устроит столь скромная сумма.

— Сколько ты хочешь? — всё же спросила я.

Она выпалила цифру. Цифру, от которой у меня волосы на голове зашевелились.

— Хорошо, — согласилась я. — Я к тебе сейчас приеду с деньгами. Диктуй адрес.

Приеду-приеду... Сначала попробую имя добром получить, а нет, привяжу к батарее, включу уют, и ты у меня соловьём запоёшь.

— А где возьмёшь деньги? Когда я просила, ты говорила, у тебя их совсем нет.

Вот же... Языком едва ворочает, а вопросы задаёт правильные.

— Я соврала. Деньги у меня есть. Сергей откладывал на чёрный день, теперь это моя записка, — сочинила я на ходу и вновь потребовала. — Диктуй адрес.

Глава 13

Прежде чем назвать адрес, Марго добрых пять минут сначала ехидничала. Заявила, мол, даже не сомневалась, что я ей лгала о деньгах. Ещё оказалась, она и про выдуманную мной записку Сергея знала — более того, именно по её «мудрому» совету он и начал наличку откладывать. Раз двадцать пьяная гадина обозвала меня лицемеркой. Усмехалась, что моя игра в святошу, может быть, кого-то и обманула, но только не её, потому как умна и проницательна. Я всё это без единого возражения выслушала и проглотила. Главное — узнать у неё имя. А на тему того, кто из нас лицемерка и лгунья, мы потом поговорим.

Я носилась по квартире и как угорелая собиралась. Торопилась, потому что боялась, вдруг у Марго нет запасов, и она протрезвеет. Или, наоборот, у неё их слишком много, и к моему приезду она наклюкается до невменяемого состояния.

Ещё на всякий случай я взяла дорожную сумку и набила её книгами, доставшимися мне от хозяйки в придачу к квартире, как и страшенький сервиз в шкафу. Деньги и книги, то и другое бумага, значит, по весу приблизительно одинаковые. Да и углы томов, упирающиеся в ткань сумки, напоминают очертания пачек купюр. Сначала попробую не уговоры, как планировала, а хитрость, покажу сумку, скажу в ней деньги. Несмотря на то что Марго регулярно присасывается к бутылке, ругается и, как выяснилось, даже дерётся, она старательно поддерживает свой образ не просто интеллигентки, но и аристократки. Может, не полезет в сумку проверять, деньги там или «кукла» не по статусу же для княгинюшки-королевны.

Когда добралась до нужного дома, мой боевой дух не то чтобы совсем сдулся, но поутих. Я с сомнением посмотрела на пузатую сумку и на пакет с крепкой верёвкой — специально прихваченной, прости господи, ну, да, для пыток.

Перехитрить Марго я, конечно, попробую, но надо признать, выколачивать из неё правду физически, нет, не смогу. Не тот достался характер. Или, как бы сказал Дёмин — кишка у меня тонка.

Наседать морально я тоже не мастер. А мои уговоры и напоминания, что у Марго где-то там, на дальней верхней полке, но всё-таки завалилась совесть, и она обязана сдать убийцу, могут результата не дать. В общем, нужна подмога.

Марк!

У него и кишки потолще моих будут, и язык подвешен как надо, плюс он лицо заинтересованное, и Марго его обожает.

Уже нашла в телефоне среди последних звонков номер Марка и прицелилась на кнопку вызова, когда в голове промелькнула до дрожи тёмная мысль: а что, если это Марк отравил Серёжу? Вдруг он узнал, что Сергей собирается переписать завещание в мою пользу, и его это не устроило. К тому же он ладит и плотно общается с Марго.

Пришлось даже тряхнуть головой, чтобы прогнать это гадкое, неправильное подозрение. Марк любил Серёжу, он его почти точная копия. Нет, нет и ещё раз нет, он не мог. Треснуть бы мне за то, что о таком даже подумала.

Марка как подозреваемого я отмела, но и на помощь не позвала. Нашла более подходящего компаньона. Набрала и разбудила Фролова. Он следователь — специально обученный профессионал, в два счёта расколет Марго.

Увы, Олег Владимирович не проявил энтузиазма при перспективе немедленно вылезать из тёплой постели и ехать в мороз непонятно куда. Даже велел мне не маяться дурью и возвращаться домой — мол, подвыпившая женщина всё нафантазировала. Но я его всё-таки уговорила, и он обещал быть в районе часа.

Ждать следователя в машине я не собиралась. Пока он в пути, либо с помощью сумки выведу у Марго имя, либо как следует разогрею её для предстоящего допроса.

На двери подъезда висел домофон, но звонить не пришлось: зашла внутрь вместе с высоким, крепким мужчиной, выгуливавшим перед сном малюсенькую лохматую собачонку в розовом комбинезоне. В лифте поднимались вместе. Глядя на мордочку с умными глазками-бусинами, торчащую из-под подмышки мужчины, даже задумалась: у меня никого нет, совсем одна. Может, и мне завести такую же милаху — радости и преданности, как от любой другой собаки, а в карман помещается.

— Видимо, запас всё-таки был, — проворчала я после того, как трижды позвонила в дверь и не дождалась ответа. — Марго? — позвала я негромко, чтобы не будить соседей, и теперь уже не позвонила, а постучала в дверь кулаком. И от удара она чуть приоткрылась.

Поддев дверь пальцем, раскрыла её шире и заглянула внутрь. В коридоре было темно, но очертания стен и мебели угадывались — из комнаты падал тусклый луч света.

— Марго, это я. Можно войти? — спросила я и, хоть разрешения не последовало, всё же переступила порог.

Судя по тому, как под ногами скрипело то ли принесённая с улицы грязь, то ли ещё какие-то крошки, Марго с тряпкой или, на худой конец, с пылесосом не дружила. Поэтому я лишь вытерла обувь о коврик и пошла дальше, не разуваясь, на цыпочках. Будто так наследил сильно меньше.

— Дома кто есть?! — снова обозначила своё присутствие, уже зайдя в комнату.

Ну и чего она так плакалась на условия жизни? Если судить по этой комнате — ремонт добротный, современный. Не убрано, конечно, но это уж она сама виновата. Светлые стены, диван — видно, новый и удобный, высокий стильный светильник со съехавшим набекрень плафоном, видимо, Марго задела, когда её от выпитого штормило. На столе бутылка, модный, чуть ли не литровый бокал, на тарелке — шкурки от мандарина, куски сыра...

— Марго? — вырвалось у меня, когда я заметила на полу женскую ногу, выглядывающую из-под кресла. — Ты что упала?

Бросив на пол сумку с книгами, я рванула на помощь, но на середине комнаты оцепенела от ужаса и резко замерла. Марго лежала на животе, а её голова... была расколота почти надвое.

Борясь одновременно с шоком и тошнотой, я прикрыла глаза, пытаюсь успокоиться и дышать ровно. Но какой там... Сердце билось, словно в припадке, в ушах стоял гул, а тело колотила крупная дрожь.

Открыв глаза и невольно ещё раз посмотрев на Марго, я заметила, что кровь под ней всё ещё растекается. Значит, некто, скорее всего, тот, кто отравил Серёжу, убил её практически только что.

Испугавшись, что он всё ещё может находиться в квартире, я судорожно начала оглядываться, чтобы схватить хоть что-нибудь, чем можно обороняться. Взгляд упал на бутылку на столе. Но ровно за секунду до того, как схватить её, усилием воли заставила себя поднять руки.

Нет. Даже под страхом смерти нельзя ничего трогать.

Марго ударили только что. Выходит, мой приход совпал со временем смерти. Если убийца не оставил следов — а он, думаю, не идиот и вряд ли оставил — я стану главной подозреваемой. Вот Дёмин обрадуется! Вцепится в это совпадение, как бойцовский пёс, лишь бы осуществить голубую мечту — упрятать меня за решётку до конца дней.

Видимо, я не настолько хороший человек, каким себя считала. Стою над телом Марго и думаю не о её несчастной судьбе, а о своём будущем. Хотя, с другой стороны, я сейчас хоть голову себе расшибу об стену — ей это не поможет. Ей уже ничто не поможет. Возможно, если бы она меня послушала и назвала имя убийцы, то осталась жива... но и об этом размышлять теперь уже бесполезно.

Зато над своей участью задуматься самое время. Как поступить, что предпринять, чтобы не пришлось отвечать за чужое преступление?

Может, пока не поздно, обратиться отсюда? Взять и уйти, будто меня здесь и не было. Я трогала только ручку двери и саму дверь. Быстро сотру отпечатки, схвачу сумку и...

Ага. В доме на первом этаже — магазин, аптека и цветочный киоск. Наверняка у всех входы под камерами, под прицел которых я, конечно, благополучно попала. Вдобавок у меня с собой телефон с включённой геолокацией — все мои передвижения по городу зафиксированы у оператора. И мужик с собакой меня видел. Ещё я звонила Фролову, он в курсе моих планов и уже едет сюда.

Достала из сумочки телефон и вызвала номер экстренной службы. Надеюсь, я об этом не пожалею.

— Здравствуйте, я только что обнаружила тело...

Очень скоро в квартире из-за людей в форме стало негде повернуться. Раз пять, наверное, мне пришлось повторить, как я здесь оказалась, зачем пришла и как нашла тело. Несколько минут надо мной колдовала женщина-криминалист: брала пробы с одежды, с кожи, с волос... А после, когда меня в принудительном порядке отвезли в отделение, и вовсе заставили с себя всё снять для экспертизы, выдав взамен какой-то тихий ужас, который язык не поворачивается назвать одеждой.

Часов у меня нет, телефон тоже изъяли, поэтому без понятия, сколько я просидела на неудобном шатающемся стуле в душном помещении без окна, размером два на три метра. Но по ощущениям уже должно быть утро. Голова раскалывается, мне надо в туалет, хочу пить, а ещё больше — спать. Попыталась подремать, положив руки на стол, а на них голову, но даже на секунду заснуть не получилось.

В тот момент, когда моё терпение лопнуло и я была готова пинать дверь с требованием немедленно выпустить, обо мне, наконец, вспомнили. В комнату вошёл мужчина в гражданском с приятной располагающей улыбкой и главное — с бутылкой воды.

— Приношу свои извинения за задержку, честно торопился как мог, но только освободился. Меня зовут Юрий Дмитриевич, я следователь. Мы сейчас быстро запишем ваши показания и отпустим вас домой.

Первые полчаса я свято верила, что Юрий Дмитриевич мне друг. Он был предельно вежлив, деликатен, казалось, искренне мне сочувствовал, всё время повторял, что ещё буквально чуть-чуть и я буду свободна. Но потом я начала замечать в каждом из его вопросов подвох. Более того, он пытался извратить все мои ответы, переворачивая факты с ног на голову, и подвести к одному-единственному выводу: Марго по голове ударила я.

— Полина Алексеевна, поговорим не для протокола, — в конце концов, предложил мужчина и при этом обернулся вокруг себя, будто проверяя, что поблизости никого нет. — Вы мне симпатичны, такая красивая девушка, поэтому я дам вам совет. Ради себя и своего будущего напишите признание. Вы приехали к потерпевшей, женщина, находясь в алкогольном опьянении, напала на вас, вы были вынуждены обороняться и вследствие этого ударили её по голове.

— Но ведь это неправда! — возмутилась я. — Вы предлагаете мне соврать?!

— Нет, я вам предлагаю минимизировать последствия. Сейчас вам грозит пятнадцать лет, а если напишете, как я сказал, то всего два, возможно, условно. Поймите, ваш рассказ не выдерживает никакой критики. Вас застали над телом...

— Что значит «застали»? Я сама позвонила в экстренную службу, — уже выкрикнула я, после чего следователь ударил по столу и тоже заорал:

— По вашим собственным же словам вы враждовали с потерпевшей и приехали к ней ночью, чтобы что?

— Во-первых, я не говорила, что мы с Марго враждовали, — продолжила я уже спокойным, холодным тоном. — Во-вторых, зачем приехала к ней ночью, я вам объясняла раз сто. И в-третьих, больше я не скажу ни слова. Я имею на это право.

— А я имею право задержать вас на сорок восемь часов, — заявил мужчина, но не успел продолжить, как в дверь постучали. Он недовольно скривился, поднялся из-за стола и, прежде чем выйти, бросил. — Пока меня нет, посидите, подумайте. Взвесьте всё. Нужно вам снисхождение суда или нет. Что предпочтительнее — два года или пятнадцать лет.

Когда следователь выходил, дверь оставалась приоткрытой всего мгновение, но я успела разглядеть в коридоре Дёмина. Он тоже заметил меня, и когда наши взгляды встретились, мы будто поговорили. Он мне сказал, что я теперь там, где и должна быть, а я его в ответ послала.

Воспользовалась советом следователя и, пока его не было, действительно подумала. Взвесила всё. Никаких признаний он от меня не добьётся. Я не убивала, и против меня нет доказательств. Пусть хоть кричит, хоть пытается — буду м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.